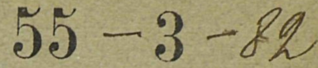
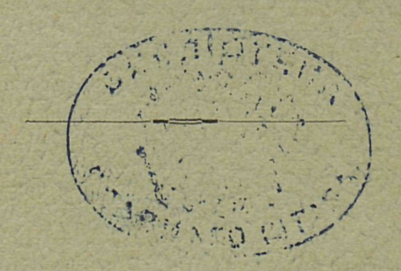

И 202/581

К. Коковцовъ.

Поѣздка въ Соловецкій монастырь.

Съ 3 фототипіями
изъ коллекціи видовъ Соловецкаго монастыря,
изданной С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1901.

2007044162

К. Коковцовъ.

ПОѢЗДКА

въ

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

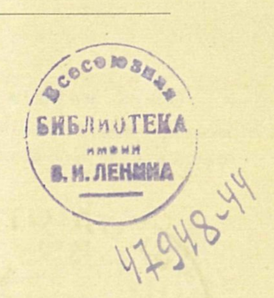
Съ 3 фототипіями
изъ коллекціи видовъ Соловецкаго монастыря,
изданной С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Іюня 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 2-57.

Видъ Соловецкаго монастыря съ моря.

ПОѢЗДКА
ВЪ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

I.

Отъ Петербурга до Ярославля.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1900 года мнѣ удалось совершить задуманную ранѣе поѣздку въ Соловецкій монастырь. Прошлое и настоящее этой древней обители имѣютъ своихъ историковъ и бытописателей. Красоты сѣверной природы съ ея лѣсною глушью и грознымъ океаномъ прекрасно переданы С. В. Максимовымъ, В. И. Немировичемъ-Данченко и другими; сравнительно рѣже приходится читать о воспитательномъ значеніи Соловецкой общины и о духовно-просвѣтительной ея дѣятельности. Свѣдѣнія эти, къ тому же, довольно разнорѣчивы. Параллельно съ отзывами о строгой подвижнической жизни иноковъ, благотворно вліяющей на богомольцевъ, въ литературѣ проскальзываетъ взглядъ на Соловецкій монастырь, какъ на

рабочій союзъ, преслѣдующій преимущественно хозяйственныя цѣли.

Еще менѣе мы знаемъ о характерѣ церковно-архитектурныхъ памятниковъ монастыря.

Собираясь посѣтить «Русскій Аѳонъ», я хотѣлъ попутно выяснить себѣ упомянутые вопросы—поскольку, разумѣется, это могло быть выполнимо въ тотъ короткій промежутокъ времени, которымъ я располагалъ...

Выѣхавъ изъ Петербурга вечеромъ 6 іюня, я прибылъ на другой день около двухъ часовъ пополудни въ Рыбинскъ, гдѣ предстояла пересадка въ вагоны Общества Московско-Ярославско-Архангельской дороги, которому принадлежитъ линія Рыбинскъ-Ярославль. Погода, утромъ пасмурная и дождливая, прояснилась. Нѣсколько отойдя отъ станціи, рельсовый путь пересѣкаетъ извилистую Черемуху; слѣдуя ея берегомъ, нашъ поѣздъ медленно подвигался вдоль ряда небольшихъ деревянныхъ домиковъ пригорода; вдали вырисовывались портики собора, обращающаго на себя вниманіе своеобразнымъ сочетаніемъ серебряныхъ главъ съ золотой иглой колокольни. Послѣ двухчасового переѣзда мы прибыли въ Ярославль. Поѣздъ въ Архангельскъ отходилъ на слѣдующій день въ 10 часовъ утра; я имѣлъ, слѣдовательно, въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы походить по городу и полюбоваться широкимъ просторомъ Волги съ высоты липоваго бульвара, который тянется на протяженіи свыше двухъ верстъ по крутому берегу этой царственной рѣки. Жела-

тельно было также осмотрѣть нѣкоторыя старинныя церкви; по обилію памятниковъ церковнаго зодчества и ихъ художественно-историческому интересу Ярославль, послѣ Москвы, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Городъ живописно раскинулся по обѣ стороны глубокой долины рѣки Которости. Къ сѣверу отъ нея лежитъ главная и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшая часть Ярославля. Другая половина,—Закоторостная часть,—вмѣщаетъ въ себѣ предмѣстье. Въ южномъ его концѣ, на возвышенности, расположена желѣзнодорожная станція. Оставивъ вокзалъ, дорога дѣлаетъ небольшой поворотъ и выходитъ на довольно широкую прямую улицу, ведущую въ городъ. Передъ вами сразу открывается своеобразная по красотѣ панорама стараго Ярославля, отъ которой въ теченіе получасового пути не хочется оторвать глазъ. Изъ-за линіи противуположнаго, обрывистаго берега Которости, на свѣтломъ полѣ городскихъ зданій, выступаютъ цвѣтной гирляндой синія и зеленыя маковицы церквей и монастырей, высокія остроконечныя колокольни и сіяющіе золотомъ куполы каѳедральнаго собора. Какое изящное сочетаніе разнообразныхъ архитектурныхъ формъ, линій, тоновъ! Слѣва виднѣется группа построекъ Николо-Мокринской церкви, сооруженной въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. Здѣсь до сихъ поръ еще хранятся рѣдкіе памятники древне-русскаго искусства: царское и патріаршее мѣста. Надъ сидѣньями устроены рѣзныя сѣни, убранныя въ нѣсколько ря-

довъ кокошниками и покрытыя красками, позолотой и ажурнымъ орнаментомъ... Въ центрѣ, близъ кирпичнаго цвѣта храма Богоявленія, съ его шатровымъ покрытіемъ, бѣлѣютъ стѣны Спасо-Преображенскаго монастыря; Михаилъ Ѳеодоровичъ провелъ здѣсь первые 25 дней послѣ избранія на царство. Еще правѣе—церковь во имя Архистратига Михаила, первоначально построенная въ концѣ XIII столѣтія супругой князя Ѳеодора Ростиславовича Анной, дочерью татарскаго хана Менгу-Темира. Крайняя и въ то же время наиболѣе возвышенная часть береговой линіи занята зданіемъ Демидовскаго лицея и великолѣпнымъ Успенскимъ соборомъ. Эти постройки, вѣнчая собою полукруглый выступъ, образуемый соединеніемъ Волги и Которости, находятся уже въ чертѣ древняго города, начало которому положено въ XI вѣкѣ. Первыя укрѣпленія Ярославля, по преданію, были «срублены» Ярославомъ I, откуда и мѣстность эта получила названіе «Рубленаго города».

Которость, при впаденіи въ Волгу, образуетъ довольно широкую, затопляемую весной, низину. Перекинутый черезъ нее желѣзный мостъ пришлось, поэтому, поднять на высоту до 8 саженъ и соединить съ Закоторостной частью высокой насыпью, протяженіемъ около версты. Съ дамбы и въ особенности съ рѣшетчатаго моста хорошо виденъ и правый берегъ Которости. Вверхъ по теченію тянется Толчковская слобода. Однообразные ряды ея деревянныхъ строеній прерываются пятнадцатиглавымъ храмомъ Іоанна Предтечи, хорошо извѣстнымъ знатокамъ церков-

ной археологіи по превосходной стѣнной росписи. Изображенія событій изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, исторіи церкви и Апокалипсиса, чередуясь съ картинами символическаго содержанія и живописью въ духѣ христіанскаго поученія и подвижничества, покрываютъ собою обширныя внутреннія пространства стѣнъ, поражая разнообразіемъ сюжетовъ, мастерствомъ исполненія и цѣльностью общаго замысла...

Какъ ни красивъ Ярославль, какъ ни располагаютъ къ отдыху тѣнистыя аллеи его садовъ и бульваровъ,—вся эта внѣшняя, показная сторона блѣднѣетъ передъ связанными съ этимъ городомъ историческими воспоминаніями, передъ памятниками отечественной старины, разбросанными въ его многочисленныхъ храмахъ.

Чтобы закончить летучія замѣтки о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня колыбелью русскаго театра, привожу ниже выдержки изъ записной книжки, относящіяся до Успенскаго каѳедральнаго собора и Спасскаго монастыря.

Успенскій соборъ, выстроенный, какъ и прочія ярославскія церкви, изъ кирпича, выбѣленъ по штукатуркѣ известью и украшенъ снаружи фресками, помѣщенными въ полукружіяхъ подъ кровлей. Первоначальное сооруженіе собора относится къ XIII вѣку. Послѣ пожара въ 1501 году онъ былъ перестроенъ. Полтораста лѣтъ спустя соборъ подвергся вторичнымъ измѣненіямъ, сохранивъ за собою, однако, общій внѣшній видъ храмовъ владиміро-суздальскаго періода: греко-византійскій планъ, алтарныя

абсиды и высокіе, отдѣльно стоящіе куполы *). Внутреннія стѣны собора сплошь покрыты прекрасной фресковой живописью, изображающей преимущественно сцены изъ евангельской исторіи и литургіи. По имѣющейся надписи, стѣнопись въ послѣдній разъ возобновлена въ 1852 году; но краски до такой степени свѣжи, что реставрацію фресокъ можно отнести къ болѣе позднему времени. Пятиярусный рѣзной вызолоченный иконостасъ, по художественности рисунка и удачному сочетанію деталей, представляетъ замѣчательный образецъ иконостаса византійскаго стиля. На немъ еще не отразилось вліяніе эпохи Возрожденія, которое мы наблюдаемъ въ позднѣйшихъ

*) Въ удѣльной Руси города Кіевъ, Новгородъ и Владиміръ являются, какъ извѣстно, тремя центрами, около которыхъ въ свое время группировались религіозные, культурные и торгово-промышленные интересы. Эти пункты естественно должны были взять на себя руководящую роль и въ дѣлѣ церковнаго строительства.

Принявъ крещеніе отъ грековъ,—грекамъ же мы предоставили строить и расписывать наши первые храмы (подразумѣваемъ, каменные). Послѣдующія церкви, въ виду низкаго уровня техническихъ знаній и бѣдности художественнаго вкуса, сооружались обыкновенно по готовымъ образцамъ. Кіевскіе и новгородскіе храмы XI—XII вѣковъ носятъ, поэтому, на себѣ рѣзкій отпечатокъ византійскаго стиля. При этомъ слѣдуетъ, однако, оговорить, что въ Новгородѣ замѣчается нѣкоторое стремленіе къ самостоятельной разработкѣ формъ и деталей — на началахъ деревянной архитектуры, которая выработала себѣ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ обширной Озерной области опредѣленные типы.

Нѣсколько позже, въ половинѣ XII вѣка, выступаетъ на политическую арену Владиміро-Суздальскій край. Крат-

лучшихъ произведеніяхъ этого рода (храмъ Воскресенія въ Новомъ Іерусалимѣ, Новоспасскій монастырь въ Москвѣ и др.). Четыре массивныхъ пилона, поддерживающіе трибунъ средняго купола, украшены иконами древняго письма. На южной стѣнѣ храма обращаетъ на себя вниманіе рѣзной образъ Николая Чудотворца. Икона эта напоминаетъ извѣстный въ Москвѣ чудотворный образъ святителя, находящійся въ Николо-Гостунской церкви (Ивановская колокольня) и представляетъ остатокъ старины, когда изваянія и рѣзныя изображенія (барельефы) допускались въ православныхъ церквахъ наравнѣ съ живописными иконами. Въ промежуткѣ между южными подкупольными столбами почиваютъ въ общей серебряной ракѣ подъ богатой серебряной же сѣнью святыя мощи князей Василія и Константина, сыновей пер-

---

ковременное процвѣтаніе его характеризуется постройкой нѣсколькихъ храмовъ во Владимірѣ, Юрьевѣ-Польскомъ и другихъ городахъ Суздальскаго княжества. Въ этихъ памятникахъ наблюдается совокупное вліяніе романскаго искусства и восточной орнаментики.

Съ переходомъ государственнаго главенства въ Москву, послѣдняя, начиная съ XV вѣка, проявляетъ усиленную дѣятельность по возведенію храмовъ и гражданскихъ построекъ. Сохранивъ греко-византійскій планъ и отчасти наружныя формы соборовъ Владиміра и Суздаля, но широко пользуясь шатровыми покрытіями и общимъ расположеніемъ массъ въ деревянныхъ церквахъ, Московская Русь создаетъ тѣ своеобразныя основы и формы церковной архитектуры, которыя въ XVI и XVII столѣтіяхъ дали намъ цѣлый рядъ художественныхъ образцовъ. Московскій періодъ по справедливости считается блестящей эпохой въ исторіи отечественнаго зодчества.

ваго ярославскаго князя Всеволода († 1238). Великолѣпіе и блескъ внутренней отдѣлки собора вполнѣ соотвѣтствуютъ гармоніи архитектурныхъ формъ и легкости очертаній куполовъ.

Спасо-Преображенскій монастырь (нынѣ Архіерейскій домъ), основанный въ началѣ XIII столѣтія, хранитъ подъ своими сводами наиболѣе чтимую святыню Ярославля—мощи благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина. Жизнеописаніе этихъ святыхъ, рисуя намъ облики древнихъ русскихъ правителей, проникнутыхъ благочестіемъ, кротостью и человѣколюбіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ любопытную страницу изъ исторіи удѣльно-вѣчевой Руси конца XIII и начала XIV вѣковъ *).

---

*) Князь Ѳеодоръ, по смерти отца, смоленскаго князя Ростислава, получилъ въ удѣлъ одинъ только городъ Можайскъ. Около 1267 года Ѳеодоръ Ростиславичъ вступаетъ въ бракъ съ единственной наслѣдницей Ярославскаго княжества, дочерью князя Василія Всеволодовича, Маріею, и становится, такимъ образомъ, владѣтельнымъ княземъ ярославскимъ. Отъ этого брака родился сынъ Михаилъ. По волѣ хана Менгу-Темира, Ѳеодоръ, въ 1277 году, вмѣстѣ съ другими князьями, участвуетъ въ войнѣ татаръ противъ яссовъ, а въ слѣдующемъ году предпринимаетъ походъ противъ болгаръ. По успѣшномъ окончаніи военныхъ дѣйствій, Ѳеодоръ остается, по просьбѣ Менгу-Темира, еще нѣкоторое время въ Кипчакской Ордѣ. Мужество, красота и умъ князя такъ всѣхъ плѣнили при ханскомъ дворѣ, что кипчакская царица предложила Ѳеодору Ростиславовичу руку своей дочери. Объявивъ ханшѣ, что онъ имѣетъ жену въ Ярославлѣ, Ѳеодоръ, послѣ долгихъ просьбъ, получилъ, наконецъ, разрѣшеніе вернуться домой.

По возвращеніи князя въ Россію, теща его, княгиня

Мощи князей долгое время покоились въ гробахъ подъ Входо-Іерусалимскимъ храмомъ, гдѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «онѣ лежали поверхъ земли» *). Въ 1463 году, когда, по ходатайству настоятеля Спасскаго монастыря, послѣдній удѣльный ярославскій князь Александръ Θеодоровичъ разрѣшилъ опустить

Ксенія, возмутивъ бояръ и народъ, не пустила Θеодора въ Ярославль, и ярославскимъ княземъ былъ объявленъ сынъ его Михаилъ. Вскорѣ супруга князя, Марія, скончалась. Онъ отправляется тогда въ третій разъ въ Орду и женится тамъ на дочери хана, выразившей согласіе принять крещеніе.

„Ханъ назначилъ зятю и дочери на содержаніе нѣ„сколько городовъ; по дозволенію хана благочестивый князь „построилъ не одинъ храмъ въ улусахъ Орды. Это было ве„ликимъ благодѣяніемъ для тысячей христіанъ, то состояв„шихъ въ свитѣ князей русскихъ при ханѣ, то обращен„ныхъ въ невольныхъ слугъ мурзамп".

Послѣ смерти Михаила, князь Θеодоръ съ женой и двумя сыновьями, Давидомъ и Константиномъ, родившимися въ Ордѣ, возвращается въ Ярославль, гдѣ и продолжаетъ княжить, отличаясь благочестіемъ и добрыми дѣлами. Кончина благовѣрнаго князя послѣдовала въ 1298 году.

Старшій сынъ, Давидъ, управлялъ Ярославскимъ княжествомъ 23 года, оставивъ двухъ сыновей. Младшій, Константинъ, скончался безбрачнымъ. (Житія святыхъ, составленныя преосвященнымъ Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ, 1892, сентябрь, стр. 211).

*) По мнѣнію профессора Голубинскаго, мощи князей (какъ особо почитаемыя мѣстнымъ населеніемъ) были открыты „въ чаяніи ихъ прославленія чудотвореніями; но въ 1463 г. игуменъ Спасскаго монастыря и священники соборныхъ церквей Ярославля, вѣроятно, считая свои чаянія напрасными, рѣшили положить ихъ съ честію въ землю или предать землѣ". (Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской Церкви. Сергіевъ посадъ, 1894, стр. 48).

гроба въ землю, мощи князей проявили чудесныя исцѣленія. Онѣ были поставлены послѣ сего въ церковь Преображенія, откуда въ 1831 году перенесены въ новую церковь, воздвигнутую на мѣстѣ храма во имя Входа Господня въ Іерусалимъ.

Выйдя изъ церкви, гдѣ почиваютъ мощи названныхъ угодниковъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ сѣверо-востоку, посѣтитель останавливается передъ часовней, поставленной надъ могилой епископа Трифона, основателя Толгскаго монастыря, расположеннаго въ 8 верстахъ отъ Ярославля, на лѣвомъ берегу Волги. Въ Толгской обители, представляющей одинъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ нашихъ монастырей, хранится явленная Толгская икона Богоматери, къ которой стекаются многочисленные поклонники. Здоровая луговая мѣстность, тѣнистый садъ, цвѣтники и единственная въ своемъ родѣ кедровая роща, вся пропитанная нѣжнымъ запахомъ хвои, дѣйствуютъ при этомъ такъ благотворно на посѣтителей-богомольцевъ, что многіе изъ нихъ остаются подолгу гостить подъ радушнымъ кровомъ обители, гдѣ они находятъ душевный миръ и полный отдыхъ на лонѣ сельской тишины.

II.

По Московско-Архангельской дорогѣ.

На слѣдующее утро надо было спѣшить къ перевозу. Занявъ мѣсто на пароходѣ, я могъ спокойно любоваться Волгой. Погода была ясная, тихая;

солнце начинало припекать; широкая водная гладь искрилась слабыми блестками. У сосѣдней пристани стоялъ громадный трехпалубный пароходъ американскаго типа, приводимый въ движеніе колесомъ, укрѣпленнымъ въ кормовой части. Особенность этой системы заключается въ крытыхъ наружныхъ галлереяхъ, чрезвычайно удобныхъ при продолжительныхъ переходахъ въ лѣтнее время. Толпа пассажировъ у входа на палубу мало-по-малу рѣдѣла; скоро всѣ размѣстились; пароходъ отчалилъ.

Городъ, закрытый откосомъ набережной, постепенно выросталъ изъ-за линіи бульвара. Въ прозрачномъ воздухѣ отчетливо рисовались легкіе контуры шатровыхъ колоколенъ; вдали, надъ темной зеленью садовъ, горѣли золотыя главы собора. Мысль, не волнуемая заботами ежедневныхъ занятій, переносилась во внутрь этого чуднаго зданія, гдѣ исторически сложившіяся основы православнаго храма вылились въ такія прекрасныя, высоко-художественныя формы... Я вижу немногочисленную группу прихожанъ, преимущественно женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ; сплотившись передъ алтаремъ, они благоговѣйно внимаютъ знакомымъ съ дѣтства молитвамъ и возгласамъ священника; на стѣнахъ, на высокихъ сводахъ, повсюду—древнія иконы и священныя изображенія; съ вершины блистающаго иконостаса осѣняетъ молящихся святое Распятіе...

На палубѣ началось движеніе. Пароходъ подходилъ къ берегу. Чрезъ пятнадцать минутъ мы уже входили на платформу станціи Урочь—начальнаго

пункта желѣзнодорожной линіи Ярославль-Архангельскъ. Путешественниковъ было сравнительно немного. Отсутствіе бѣготни и давки представляло рѣзкую противоположность съ той, въ буквальномъ смыслѣ, осадой поѣздовъ, которую случается наблюдать въ узловыхъ пунктахъ нашихъ южныхъ дорогъ. Опоздавшій рыбинскій поѣздъ,—который задержалъ насъ на полчаса,—доставилъ лишь нѣсколькихъ пассажировъ III класса.

Два рѣзкихъ удара станціоннаго колокола заставили публику, гулявшую по платформѣ и въ небольшомъ станціонномъ саду, быстро подняться въ вагоны. Раздался послѣдній звонокъ. Паровозъ спеціальнаго типа (о шести ведущихъ осяхъ) легко взялъ съ мѣста нашъ товаро-пассажирскій поѣздъ. Удары колесъ о рельсы, раздаваясь все чаще и чаще, слились въ одинъ непрерывный однообразный грохотъ. Ярославль медленно уплывалъ въ прозрачномъ туманѣ іюньскаго утра... Глазъ едва уже въ состояніи различать силуэты церквей и зданій... одинъ храмъ Успенія ярко сверкаетъ золотистыми бликами... Волжскій берегъ заслонился скоро корпусомъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ; за нимъ линія дѣлаетъ поворотъ и вступаетъ въ чащу лиственнаго лѣса.

На первой станціи отъ Ярославля нашъ поѣздъ встрѣтило десятка три деревенскихъ мальчугановъ и дѣвочекъ съ большими пучками ландышей.

— Три копейки за букетъ!—бойко обратился ко мнѣ маленькій продавецъ въ розовой рубашкѣ, предлагая душистые цвѣты.

— Ландыши продаются только на первыхъ трехъ станціяхъ отъ Ярославля, дальше не будутъ,—пояснилъ мнѣ подошедшій кондукторъ: букетъ былъ купленъ.

Провожаемый веселой толпой дѣтей, поѣздъ тронулся въ дальнѣйшій путь. По сторонамъ полотна снова потянулись поляны, прерываемыя лѣсными порослями. Мелькали золотисто-желтые и лиловые луговые цвѣты. На откосахъ выемокъ и насыпей, подернутыхъ мягкимъ зеленымъ ковромъ, выдѣлялись мѣстами голубые плафоны незабудокъ. Знакомыя картины природы напоминали родные берега финскаго залива. Только полосы рѣдкаго низкорослаго лѣса, замѣтно отличаясь отъ густолиственныхъ насажденій средней полосы Россіи, давали знать, что мы на пути къ сѣвернымъ широтамъ.

Изящная и въ то же время скромная архитектура бревенчатыхъ станціонныхъ построекъ съ высокими кирпичными трубами, скошенными углами драневыхъ кровель и выступающими покрышками оконныхъ наличниковъ производила пріятное впечатлѣніе. Въ пассажирскихъ помѣщеніяхъ — некрашеные полы и такія же бревенчатыя стѣны, но вездѣ чисто, уютно, свѣтло.

Въ седьмомъ часу вечера поѣздъ нашъ подходилъ къ Вологдѣ. Бѣлыя стѣны церквей, множество деревянныхъ домовъ и обиліе зелени придавали городу издали видъ большого подмосковнаго села. Погода перемѣнилась. За послѣдніе два-три часа температура замѣтно понизилась, и въ осеннемъ пальто было, какъ говорится, въ самый разъ.

Скромный и по обыкновенію холодный обѣдъ, предложенный станціоннымъ ресторавомъ, торопливая прогулка по платформѣ—и пассажиры опять на своихъ мѣстахъ въ томительномъ ожиданіи отъѣзда. Длинная цѣпь вагоновъ зашевелилась, загромыхала... мы двинулись дальше.

Верстахъ въ четырехъ за Вологдой рельсовый путь проходитъ мимо Прилуцкаго монастыря, основаннаго во времена св. Сергія Радонежскаго. Высокая каменная стѣна и массивныя угловыя башни съ бойницами придаютъ этой старинной обители видъ крѣпости. Въ особенности своеобразны форма и окраска башенъ; онѣ представляютъ многогранныя призмы не менѣе, какъ о 16 сторонахъ, которыя послѣдовательно покрыты бѣлымъ, кирпично-розовымъ и желтымъ цвѣтами. Вверху, подъ крышей, помѣщены узкіе просвѣты-бойницы. Кровля состоитъ изъ двухъ выкрашенныхъ мѣдянкой усѣченныхъ конусовъ, раздѣленныхъ бѣлымъ цилиндрическимъ гуртикомъ. Верхній конусъ поддерживаетъ шейку, остроконечную крышку и крестъ.

За монастыремъ потянулись луговыя пространства. Вдали кое-гдѣ виднѣлись поселки, пажити, рощи. Верстахъ въ тридцати отъ Вологды начался сухоподстойный, преимущественно хвойный лѣсъ. Ряды сѣроватыхъ елей, раскидистыя лиственницы и чахлыя березки быстро пробѣгали вдоль вагоннаго окна. Изрѣдка мелькали высокіе, ровные стволы осинъ, увѣнчанные шапками ярко-зеленой листвы. Топкій грунтъ, покрытый кочками и пнями, переходилъ мѣстами въ трясины и сплошныя болота. Небосклонъ заволокло

тучами; безконечной вереницей тянулись онѣ надъ лѣсомъ, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ. Облака опускались все ниже и ниже, словно готовыя уцѣпиться за верхушки деревьевъ и окутать тайболу *) непроницаемой мглой. Часамъ къ десяти температура упала до четырехъ градусовъ. Полярное море обдавало насъ своимъ ледянымъ дыханіемъ...

На слѣдующій день, въ восьмомъ часу утра, мы прибыли на станцію Няндому; она расположена почти на полъ-дорогѣ между Вологдой и Архангельскомъ и служитъ, поэтому, мѣстопребываніемъ значительнаго числа желѣзнодорожныхъ служащихъ. Послѣ безконечныхъ лѣсовъ и болотъ глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на стройномъ рядѣ болѣе двѣнадцати двухъэтажныхъ домиковъ, образующихъ, вмѣстѣ со службами и пассажирскимъ зданіемъ, цѣлый поселокъ. Небо, попрежнему сѣрое и туманное, наводило уныніе. Въ станціонномъ садикѣ, площадью въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, торчали молодыя березки съ едва распустившимися клейкими желтовато-зелеными листьями. Послѣ довольно продолжительной стоянки поѣздъ, наконецъ, тронулся. Вывѣшенный на видномъ мѣстѣ станціоннаго фасада термометръ показывалъ + 5° (R). Почти на всемъ протяженіи линіи, вдоль полотна, сохранилась, проведенная во время постройки, колесная дорога, состоящая изъ сплошного деревяннаго настила; въ топкихъ мѣстахъ онъ поддерживается эстакадами. Пространство вырублен-

*) Тайбола—сплошной лѣсъ.

наго лѣса по обѣимъ сторонамъ пути покрыто мелкимъ камнемъ и сѣроватымъ мхомъ. Кое-гдѣ валяются на землѣ цѣлыя деревья: частью это буреломъ, частью—бревна, оставшіяся отъ постройки временной дороги. Порою сплошныя насажденія прерывались, вдали зеленѣли луга, а за ними опять тянулись лѣса и лѣса...

Примѣрно верстахъ въ сорока за Няндомой, съ западной стороны полотна, въ отдаленіи показалось село,—единственное на протяженіи послѣднихъ двухсотъ пятидесяти верстъ по направленію къ Архангельску. Въ бинокль можно было разсмотрѣть очертанія сельской церкви. Вы видите простую, но значительно приподнятую избу съ остроконечной двухскатной крышей, увѣнчанной шейкой, яблокомъ и крестомъ. Звонница стоитъ отдѣльно. Это покрытый шатромъ шестиугольный срубъ, образующій въ верхней части родъ открытой бесѣдки, гдѣ висятъ колокола. Вся постройка напоминаетъ нѣсколько по внѣшнему виду или, какъ выражались въ старину, по «окладу» деревянную церковь въ селѣ Деулинѣ (въ трехъ верстахъ отъ Сергіева посада), которая недавно сгорѣла *).

Старинныхъ деревянныхъ церквей сохранилось до нашихъ дней очень немного. Однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ подобнаго, чисто народнаго храмо-

---

*) Перспективный рисунокъ Деулинской церкви помѣщенъ, между прочимъ, въ прекрасномъ путеводителѣ по Московско-Ярославско-Архангельской дорогѣ, составленномъ П. Канчаловскимъ. До сего времени вышли только первые два выпуска этой книги: Москва-Александровъ и Александровъ-Ярославль.

вого зодчества является Успенская церковь Гефсиманскаго скита близъ Свято-Троицкой Сергiевой лавры. Церковь эта, эпохи Михаила Феодоровича, была первоначально выстроена въ селѣ Подсосеньѣ, близъ лавры, и перенесена оттуда въ скитъ въ половинѣ XVIII столѣтiя. Обшитыя тесомъ стѣны, увѣшанныя старинными иконами (нѣкоторымъ, полученнымъ съ Афона, болѣе 1000 лѣтъ), простой кипарисовый иконостасъ и, въ особенности, стоящiя передъ мѣстными образами древнiя вощаницы *) производятъ сильное впечатлѣнiе и переносятъ васъ въ отдаленное прошлое. Есть еще и другiе древнiе деревянные храмы въ средней полосѣ Россiи, но главнымъ образомъ деревянная церковная архитектура развилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ Озерной области, на крайнемъ Сѣверѣ и въ Сѣверо-восточномъ краѣ. Первоначальныя церкви, которыя вмѣщали всего по нѣскольку человѣкъ и, въ старые годы, при народныхъ бѣдствiяхъ или, наоборотъ, по случаю радостныхъ событiй, срубались въ одинъ день (такъ называемыя обыденныя церкви) — постепенно расширяются и увеличиваются въ высоту. Присоединяя къ основному четырехугольному или многоугольному срубу разнаго рода боковыя пристройки и располагая срубы въ нѣсколько этажей, строители получали болѣе или менѣе сложныя формы. Рука объ руку съ увеличенiемъ внутренняго помѣщенiя, потребовавшимъ выработки особыхъ техническихъ прiемовъ, шло развитiе художественныхъ украшенiй

*) Вощаница—укрѣпленная на ножкѣ плоская чаша, наполненная воскомъ, съ погруженными въ немъ свѣтильнями.

храма. Появляются покрытія «въ чешую», рѣзьба, прилѣпы, замысловатыя входныя крыльца; число главъ доходитъ до 20 и болѣе *). Если московскіе каменные храмы XVI и XVII вѣковъ носятъ на себѣ отпечатокъ церковныхъ памятниковъ Византіи и слѣды внѣшнихъ декоративныхъ формъ Востока, то наши старинныя деревянныя церкви представляютъ произведенія самобытнаго русскаго зодчества и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія археологовъ. Наиболѣе характерные типы храмовъ московскаго періода (наслоеніе призмъ и сочетаніе башенъ съ шатровыми покрытіями) несомнѣнно навѣяны мотивами деревянной архитектуры...

Однообразная равнина незамѣтно перешла въ холмистую мѣстность. Линія желѣзной дороги то пролегала вдоль холмовъ, то спускалась въ лощины. Болотныя рѣчки, въ песчаныхъ обрывистыхъ берегахъ, попадались на пути. Сдѣлавъ еще верстъ пятьдесятъ, мы вступили въ область прекраснаго строевого лѣса. Видъ уходящихъ въ вышину сосенъ и вѣтвистыхъ лиственницъ, однако, недолго тѣшилъ нашъ взоръ. Слѣдомъ потянулись почти непрерывныя болота. Характеръ краснолѣсья мѣняется; большая часть деревьевъноситъ на себѣ печать разрушенія отъ долголѣтняго произрастанія на влажной почвѣ. Ели, какъ и прежде, составляли преобладающій элементъ. Мѣ-

*) Такъ напримѣръ, въ деревнѣ Кижи, на одномъ изъ острововъ Онежскаго озера, существуетъ деревянная церковь о 22 главахъ (А. Ильинъ. Отъ Петербурга до Соловецкаго монастыря. Дневникъ странника. С.-Петербургъ, 1879).

стами не только стволы, полуобнаженные отъ вѣтвей, но и самые сучья приняли темно-сѣрый цвѣтъ. Обгорѣлые пни и кучи пепла — слѣды костровъ для уничтоженія щепы, хвороста и валежника — покрывали расчищенную отъ лѣса полосу отчужденія. Трясина, скрытая волнистымъ слоемъ желтоватаго мха, кое-гдѣ пробивалась наружу зіяющими черными пятнами. Началась тундра.

Пасмурный, совершенно осенній день усиливалъ безотрадное впечатлѣніе. Мрачныя тучи повисли надъ горизонтомъ сплошнымъ покрываломъ. Холодный вѣтеръ заставлялъ плотнѣе кутаться въ пледъ, когда продолжительныя остановки давали возможность пройтись по платформѣ. Стало моросить. Встрѣчный поѣздъ, который ожидалъ насъ на одной изъ станцій (дорога устроена въ одинъ путь), принесъ неутѣшительныя вѣсти: въ Архангельскѣ дождь, вѣтеръ, холодъ; на морѣ очень бурно.

За станціей Обозерской (не доѣзжая 120 верстъ до Архангельска) вдоль линіи сплошь залегла топкая низина, поросшая лишаями и мхомъ. Зубчатые ряды елокъ, простирая другъ къ другу свои засохшія вѣтви, неподвижно чернѣли точно въ сказочномъ, заколдованномъ лѣсу. Темно-коричневый, почти черный ручей, отливая металлическимъ блескомъ, пересѣкалъ намъ дорогу; причудливо извиваясь въ своихъ низменныхъ берегахъ, онъ казался какимъ-то допотопнымъ пресмыкающимся. Поѣздъ уносилъ насъ все дальше и дальше въ нѣдра этого безмолвнаго, медленно погибающаго лѣса...

Къ вечеру небо прояснилось. Косые лучи солнца не надолго освѣтили унылую картину тундры. Въ десятомъ часу показалась тѣсная группа построекъ станціи Исакогорки, отстоящей въ десяти верстахъ отъ Архангельска. Вслѣдствіе затопляемости береговъ Сѣверной Двины здѣсь построенъ помѣстительный вокзалъ и сосредоточены всѣ жилые дома, пакгаузы и мастерскія. На станціи Архангельскъ, куда поѣздъ прибылъ въ одиннадцатомъ часу вечера, существуетъ въ настоящее время только небольшое деревянное пассажирское зданіе. Въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ расположена пристань, у которой ожидалъ пассажировъ пароходъ Общества Архангельской дороги, поддерживающій сообщеніе станціи съ городомъ, расположеннымъ на правомъ берегу Двины.

Мы высадились на пристани въ Архангельскѣ въ исходѣ двѣнадцатаго часа.

III.

Архангельскъ.

Свѣтлая сѣверная ночь разлилась въ прозрачномъ воздухѣ блѣдно-голубой лучистой волной. Отчетливо выступали контуры береговыхъ зданій, очертанія дремлющихъ на водѣ шкунъ, карбасовъ, плотовъ. Я помѣстился на линейку, и возница быстро повезъ меня по ухабистой мостовой. Уличное движеніе пре-

кратилось; два-три запоздалыхъ пѣшехода попались намъ на встрѣчу. Окна вездѣ закрыты. Обыватели безмятежно предавались покою. Выслушавъ въ первой гостиницѣ неутѣшительную фразу: «Всѣ номера заняты», я направился въ слѣдующую, гдѣ и удалось найти сносное помѣщеніе. Было настолько свѣтло, что въ комнатѣ свободно читалась самая мелкая печать.

Ослѣпительно яркій лучъ свѣта, проникая сквозь бѣлыя шторы, заставилъ меня проснуться довольно рано. Я открылъ окно; пахнула живительная струя свѣжаго морского воздуха. Ясное небо и тишина предвѣщали прекрасный лѣтній день. Утомительный переѣздъ по рельсамъ забытъ; нужно не откладывая собрать свѣдѣнія о времени отправленія парохода и, если возможно, заручиться каютой...

Сообщеніе съ Соловецкими островами поддерживается товариществомъ Архангельско-Мурманскаго пароходства и пароходами Соловецкаго монастыря. Въ ближайшую очередь — въ шесть часовъ вечера — отходилъ пароходъ Товарищества. Взявъ билетъ и сдѣлавъ необходимыя подготовленія къ отъѣзду, я отправился пройтись по городу.

По внѣшнему благоустройству Архангельскъ заставляетъ желать еще многаго. Улицы, вымощенныя крупнымъ булыжникомъ, деревянные дома въ перемежку съ кирпичными двухъэтажными постройками самаго незатѣйливаго вида, дощатые тротуары, первобытные экипажи-долгуши, наконецъ, базарная площадь со множествомъ открытыхъ ларей, на которыхъ

продаются съѣстные припасы и предметы крестьянскаго домашняго обихода, — все это напоминаетъ знакомый типъ уѣзднаго города. Недостатокъ зелени придаетъ Архангельску скучный, однообразный характеръ. Пройдя главную улицу, — Троицкій проспектъ, — я повернулъ къ каѳедральному собору. Этотъ храмъ представляетъ высокое четырехугольное зданіе, увѣнчанное пятью куполами темно-синяго цвѣта съ золотыми звѣздами; надъ каждымъ куполомъ возвышается небольшая золоченая маковица, поддерживающая крестъ. Въ отличіе отъ обычной легкой и изящной формы куполовъ православныхъ церквей (въ разрѣзѣ кокошникъ), главы архангельскаго собора имѣютъ тяжеловѣсную форму японскихъ колоколовъ (въ разрѣзѣ повышенная стрѣльчатая арка). Двѣ большія фрески, помѣщенныя на одной изъ наружныхъ стѣнъ, служатъ единственнымъ украшеніемъ фасада. Внутреннее убранство главнаго (верхняго) храма поражаетъ богатствомъ иконостаса, въ стилѣ возрожденія, убраннаго коринѳскими и іоническими колонками, фронтонами, рѣзко очерченными карнизами и другими архитектурными украшеніями. Около царскихъ вратъ и въ алтарѣ (у запрестольнаго креста) помѣщены деревянныя вызолоченныя фигуры ангеловъ. Такія же скульптурныя изображенія ангеловъ стоятъ и по сторонамъ находящагося у южной стѣны деревяннаго креста, собственноручно сооруженнаго Петромъ I въ память спасенія своего, въ 1694 году, во время сильнаго шторма въ Бѣломъ морѣ, когда Царь находился на пути въ

Соловецкій монастырь *). Средній придѣлъ занимаетъ всю восточную часть собора; боковые выдвинуты на середину, какъ это часто дѣлалось въ старинныхъ церквахъ. Внутреннія стѣны, своды и арки собора покрыты живописью.

Замѣтное подражаніе западнымъ образцамъ, выразившееся въ рисункѣ иконостаса и скульптурныхъ изваяніяхъ, а также въ помѣщеніи на колокольнѣ шпица, не оставляетъ сомнѣнія, что постройка храма относится, самое раннѣе, къ петровской эпохѣ. И дѣйствительно, архангельскій Свято-Троицкій соборъ сооружался въ первой половинѣ XVIII столѣтія, т. е. какъ разъ въ то время, когда иностранное вліяніе неудержимой волной проникало въ наше церковное зодчество, едва послѣднее, — усвоивъ и переработавъ художественное наслѣдіе Византіи, общія формы романскаго стиля въ суздальскихъ храмахъ и мотивы древней деревянной архитектуры, — вступило на путь самобытнаго русскаго искусства...

Осмотрѣвъ соборъ, я направился черезъ городской садъ къ берегу С. Двины; березки только что зазеленѣли, черемуха еще не начинала цвѣсти. Берегъ возвышается здѣсь на нѣсколько саженъ и образуетъ мысъ, съ котораго открывается широкая водная поверхность устья рѣки. У сосѣдней пристани дымился маленькій пароходъ, готовый доставить городскихъ

---

*) Первоначально крестъ находился въ Пертоминскомъ монастырѣ, на берегу Унской губы, въ которой Императору удалось спастись во время бури; перенесенъ въ Архангельскъ въ 1805 году.

обывателей на ближайшіе острова. Поморскія шняки (промысловыя лодки), въ которыхъ на рулѣ и на веслахъ сидѣли женщины, быстро скользили по зеркальной поверхности залива.

Въ первыхъ числахъ марта почти все мужское населеніе деревень Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ отправляется на Мурманъ для рыбной ловли, которая, какъ извѣстно, доставляетъ главный заработокъ обитателямъ бѣломорскаго побережья. Поэтому женщины, или, какъ ихъ называютъ въ Архангельскомъ краѣ, «женки» исполняютъ здѣсь всѣ лѣтнія домашнія работы, доставляютъ водою въ Архангельскъ сельскіе продукты, поддерживаютъ на лодкахъ почтовое сообщеніе между поморскими деревнями и т. п. Въ чрезвычайно интересныхъ путевыхъ запискахъ архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта читаемъ по этому поводу слѣдующее: «Въ селѣ Подужемьѣ (близъ Кеми) мнѣ представилось все мѣстное начальство: единственный мужчина волостной старшина, десятскіе же и старосты—бабы, наряженныя въ должностные знаки; мужчинъ не было дома никого, всѣ до единаго ушли на промыслы» *).

На обратномъ пути я прошелъ мимо базара. На открытыхъ столахъ продавались разныя мелкія издѣлія кустарной промышленности; между ними отмѣчу туесы или бураки. Это чрезвычайно искусно сдѣланные короба съ герметически пригнанными крыш-

---

*) А. П. Энгельгардтъ. Русскій Сѣверъ. Путевыя записки. С.-Петербургъ, 1897, стр. 30.

ками; они настолько непроницаемы, что поморы и корелы хранятъ въ нихъ молоко и другіе жидкіе продукты. Туесы разкрашены въ любимый сѣверянами оранжевый цвѣтъ съ яркими зелеными, синими и бѣлыми разводами. Въ крытой галлереѣ стараго каменнаго сарая расположились торговки мѣстнымъ товаромъ — грубой работы туфлями и рукавицами, подбитыми мѣхомъ пыжика (молодого оленя). Въ окнахъ магазиновъ, среди мѣховыхъ вещей, виднѣлись чебаки; такимъ именемъ называется характерный головной уборъ жителей Архангельской губерніи—круглыя оленьи шапки, сверху и снизу покрытыя мѣхомъ, съ длинными такими же концами для завязыванія.

До отправленія парохода оставалось около двухъ часовъ. Уложивъ вещи и покончивъ счеты съ хозяиномъ гостиницы, я поѣхалъ на пристань. Быстро миновавъ ряды небольшихъ двухъэтажныхъ домовъ Троицкаго проспекта, кучеръ выѣхалъ на набережную. Не вдалекѣ дымился пароходъ, къ которому мы и спустились по отлогому помосту. На палубѣ толпился народъ; крестьяне, преимущественно сѣверныхъ губерній, въ своихъ сѣрыхъ суконныхъ кафтанахъ или короткихъ полушубкахъ, размѣщались въ носовой части и спускались въ каюту. На фонѣ этой пестрой толпы деревенскаго люда, нагруженнаго сундуками, котомками и прочей кладью, выдѣлялись нѣсколько дамскихъ шляпокъ, двѣ-три военныхъ фуражки, серебряные погоны чиновъ лѣсного вѣдомства и небольшой контингентъ статской публики. Какъ

водится, добрую половину этого смѣшаннаго общества составляли провожающіе. Къ шести часамъ кормовая палуба почти опустѣла. Раздался глухой продолжительный свистокъ. Машина начала мѣрно работать.

Небольшая кучка горожанъ, оставшихся на пристани, быстро скрылась изъ вида. «Михаилъ Кази»— такъ назывался нашъ пароходъ — шелъ нѣкоторое время въ виду главной части города, миновалъ затѣмъ рѣку Кузнечиху и направился вдоль берега Соломбальскаго острова, на которомъ въ 1693 году Петръ повелѣлъ соорудить верфь. Селеніе Соломбала (нынѣ вошедшее въ городскую черту) было свидѣтелемъ постройки свыше 400 морскихъ судовъ. Съ упраздненіемъ въ 1862 году Архангельскаго военнаго порта (учрежденнаго въ 1733 году) городъ окончательно утратилъ политическое значеніе. Прежняя, когда-то кипучая судостроительная дѣятельность общегосударственнаго характера уступила свое мѣсто болѣе узкимъ интересамъ отпускной торговли, но и та, съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ бассейнъ Волги съ Ригой, Либавой и черноморскими портами, годъ отъ году падаетъ.

Южная оконечность Соломбалы занята постройками Соловецкаго подворья. У пристани грузился одинъ изъ монастырскихъ пароходовъ. На вершинѣ фокъ-мачты блестѣлъ въ лучахъ вечерняго солнца золотой крестъ. Берегъ, отъ котораго мы нѣсколько отдалились, сталъ снова приближаться. Мы шли русломъ Маймаксы; обогнувъ островъ Соломбалу съ сѣверо-запада, названная рѣка протекаетъ мимо цѣ-

лаго ряда острововъ и впадаетъ въ восточный, Березовскій протокъ. На смѣну пригородныхъ домиковъ, окруженныхъ чахлой растительностью, потянулись обширныя береговыя пространства, занятыя лѣсопильными заводами. Глазъ механически слѣдилъ за однообразными очертаніями высокихъ штабелей бревенъ, теса и тонкихъ брусьевъ, составляющихъ одну изъ главныхъ статей заграничной торговли лѣсомъ.

Почти три часа пароходъ слѣдовалъ дельтой Сѣверной Двины. На обширномъ пространствѣ въ 1000 кв. верстъ рѣка омываетъ болѣе 100 острововъ, впадая въ море четырьмя протоками. Оставивъ за собой Лапоминскую гавань—небольшой заливъ, защищенный двумя островами и потому служащій прекраснымъ мѣстомъ стоянки судовъ,—«Михаилъ Кази» достигъ, наконецъ, Березовскаго устья. Слѣва темной нитью едва выступали плоскіе берега далекихъ острововъ... они скоро исчезли. Съ востока земля виднѣлась нѣсколько дольше... вотъ и она потонула въ волнѣ... Вокругъ насъ разстилался широкій просторъ Бѣломорья.

IV.

На морѣ.—Соловецкій островъ.—Монастырскіе храмы.

Ясная погода и слабый вѣтеръ внушали намъ надежду на совершеніе морского плаванія безъ большой качки. Капитанъ нашъ, однако, не раздѣлялъ подобнаго мнѣнія.—«Вѣдь вы ѣдете помолиться Богу,

слѣдовательно должны перенести и нѣкоторыя лишенія; а то какая же это поѣздка на богомолье, если васъ хорошенько не покачаетъ»,—говорилъ онъ полушутя, полусерьезно группѣ обступившихъ его лицъ. Предсказанія опытнаго морехода вскорѣ оправдались. Небосклонъ покрылся тучами; свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ все болѣе и болѣе крѣпчалъ; кругомъ вздымались и пѣнились мутные темно-стальные валы; началась боковая качка. Вмѣстѣ съ прочими пассажирами я ушелъ внизъ, въ каюту, и прилегъ на койку. Корабль нашъ то колыхался равномѣрно, то одинъ изъ его бортовъ, достигнувъ высшей точки, быстро стремился внизъ, какъ бы падая въ бездну. Изъ общаго зала по временамъ долетали голоса пассажировъ, слышались быстрые шаги пароходной прислуги... Сквозь щель неплотно закрытаго люминатора проникла струя воды и съ шумомъ разлилась по столу, забросавъ меня мелкими брызгами. Я попросилъ служителя плотнѣе закрыть окно, и, утомленный отъ долговременнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, погрузился въ дремоту...

Когда на слѣдующій день, рано утромъ, я вышелъ на палубу, волненіе уже значительно утихло. На сплошномъ фонѣ облаковъ кое-гдѣ показались свѣтло-синіе оазисы. Съ запада, верстахъ въ десяти, сквозь сѣрую дымку утренняго тумана виднѣлисъ неясныя очертанія Соловецкаго острова.

Къ восьми часамъ утра погода прояснилась; яркое солнце согрѣло озябшихъ путешественниковъ и заставило ихъ забыть перенесенныя невзгоды. Обогнувъ

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ

С.П.Б. МѢЩ. 2-57.

Монастырская пристань. — Преображенская гостинница.

островъ съ сѣверной стороны, пароходъ повернулъ къ югу и сталъ приближаться къ берегу, на которомъ скоро можно было различать блѣдно-зеленую листву едва распустившихся березъ. Насъ встрѣчала сѣверная весна... Вотъ показалась и окружающая монастырь крѣпостная стѣна. Надъ ней бѣлѣли храмы, увѣнчанные многочисленными главами. Около одиннадцати часовъ утра «Михаилъ Кази» вошелъ въ гавань Благополучія — небольшую глубокую бухту въ юго-западной части острова — и остановился противъ зданія Преображенской гостиницы. Брошенные съ судна швартовы быстро закрѣпляются стоящими на набережной монахами о причальныя тумбы. Другіе монахи и нѣсколько послушниковъ ожидали прибывшихъ богомольцевъ на пристани, чтобы дать имъ необходимыя разъясненія и указанія. Тутъ же толпились мальчики-служки, въ своихъ синихъ, черныхъ и сѣрыхъ подрясникахъ, съ любопытствомъ осматривая пріѣзжихъ.

Сойдя на берегъ, я направился въ Преображенскую гостиницу. Монахъ-гостиникъ заявилъ мнѣ и моему спутнику, съ которымъ я познакомился въ дорогѣ, что всѣ комнаты заняты и предложилъ намъ остановиться у него въ кельѣ—въ ожиданіи скораго отправленія въ Архангельскъ монастырскаго парохода, когда помѣщеніе навѣрное освободится.

Поблагодаривъ отца Николая—такъ звали пріютившаго насъ монаха—за любезный пріемъ, мы размѣстились въ небольшой комнатѣ третьяго этажа, украшенной образами и картинами духовнаго содер-

жанія. Въ открытое окно проникала живительная струя морского воздуха. Вдали, у входа въ гавань, желтѣло нѣсколько небольшихъ каменистыхъ островов (лудъ), поросшихъ кустарникомъ; на ближайшемъ изъ нихъ, въ расщелинѣ берегового откоса, лежалъ еще снѣгъ. Лѣвая сторона пейзажа занята монастырской стѣной, вдоль которой тянется шоссированная дорога, усаженная рядомъ высокихъ деревьевъ. По правую ея сторону, на берегу гавани, бѣлѣютъ три совершенно однообразнаго типа восьмигранныя каменныя часовни. Кладбищенская церковь, домъ біологической станціи, старая деревянная (Архангельская) гостиница и окружающая ее березовая роща — дополняли картину. Гармоничный звонъ колоколовъ, разливаясь по зеркальной по верхности бухты, призывалъ на молитву...

Я только что собрался уходить, какъ раздался легкій стукъ въ дверь, и на порогѣ появился молодой человѣкъ съ большимъ ящикомъ за спиною. Это былъ книгоноша Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи; онъ привезъ въ монастырскую лавку книги Евангелія, Библіи и Псалтыри.

Мы разговорились.

Нашъ радушный хозяинъ тѣмъ временемъ успѣлъ распорядиться, чтобы намъ подали самоваръ и принесли чернаго хлѣба. Наскоро выпивъ чаю, я отправился со своимъ спутникомъ въ монастырь. Набережная опустѣла; только чайки важно расхаживали по песку, отыскивая куски хлѣба, брошенные изъ оконъ гостиницы. Черезъ нѣсколько минутъ мы были

уже передъ массивной стѣной монастыря, сложенной изъ громадныхъ булыгъ; длина камней доходитъ въ иныхъ мѣстахъ до одной сажени и болѣе; верхняя часть стѣны выведена изъ кирпича. Эта крѣпостная ограда, сооруженная въ концѣ XVI вѣка для защиты обители отъ нападенiй шведовъ, окружаетъ растянутымъ пятиугольникомъ группу соборовъ, жилыхъ домовъ и прочихъ монастырскихъ строенiй. Надъ главнымъ входомъ въ монастырь (Святыя ворота) высится чудотворная икона Нерукотвореннаго Спаса, около одной сажени въ квадратѣ. Образъ находится на открытомъ воздухѣ болѣе 200 лѣтъ, но на немъ не замѣтно ни порчи красокъ, ни трещинъ и только потемнѣвшiй ликъ указываетъ на влiянiе времени.

Сравнительно узкiй проходъ, длиною до шести саженъ (галлерея прорѣзаетъ не только стѣну, но и примыкающiй къ ней монастырскiй флигель), вывелъ насъ на обширный дворъ. Большая часть его занята садиками, отдѣленными другъ отъ друга полисадниками, между которыми идутъ тротуары, соединяющiе Святыя ворота съ братскими корпусами и другими постройками; всѣ зданiя построены изъ кирпича и выбѣлены известью. Наше вниманiе прежде всего было привлечено чудотворной иконой Знаменiя Божiей Матери, помѣщенной высоко надъ входомъ въ Преображенскiй соборъ, въ полукружьѣ подъ кровлей. На богатомъ серебряномъ, вызолоченномъ окладѣ вы видите два черныхъ круглыхъ пятна. Это ядра, попавшiе въ икону при обстрѣливанiи монастыря съ англiйскихъ фрегатовъ въ 1854 году, во время Крым-

ской войны. При обновленіи ризы, въ 1858 году, ядра эти искусственно вдѣланы въ пробитыя ими въ иконѣ отверстія.

Въ разныхъ мѣстахъ обширнаго монастырскаго двора сидѣли или медленно выступами чайки со своими дѣтенышами, покрытыми тонкимъ сѣрымъ пухомъ. Изрѣдка перелетая съ мѣста на мѣсто небольшими стадами, онѣ оглашали воздухъ пронзительнымъ крикомъ. Эти птицы, величиной немного меньше гуся и похожія на него по внѣшнему виду, ранней весной прилетаютъ на островъ и оставляютъ его осенью, когда на смѣну имъ являются вороны. Чаекъ, однако, здѣсь вовсе не такъ много, какъ это указывается въ описаніяхъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. По близости монастыря, за время моего четырехдневнаго пребыванія, чаекъ, самое большее, было нѣсколько сотъ штукъ; въ остальныхъ частяхъ острова онѣ попадаются рѣдко. Во всякомъ случаѣ, эти крикливыя, надоѣдливыя птицы далеко не поражаютъ такъ своей многочисленностью, какъ, напримѣръ, голуби на площади Святого Марка въ Венеціи.

Посреди двора стоитъ одноэтажная «Царская» колокольня съ пирамидальнымъ куполомъ. Она сооружена въ 1862 году для помѣщенія колокола, пожертвованнаго Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ память Крымской войны. Согласно свѣдѣніямъ пріобрѣтеннаго мною въ монастырѣ «Руководителя для поклонниковъ по Соловецкому острову», колоколъ вылитъ по Высочайшему заказу на имя Соловецкой обители изъ тѣхъ украше-

нiй, которыя были при погребенiи въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. Внизу находятся двѣ маленькiя пушки, которыми обитель защищалась отъ нападенiя англiйскихъ фрегатовъ, и куча ядеръ и бомбъ, собранныхъ въ монастырѣ послѣ бомбардированiя.

Пропустивъ пеструю толпу богомольцевъ, которые возвращались съ трапезы, мы вошли въ примыкающiй къ Преображенскому собору съ западной стороны двухъэтажнiй флигель и поднялись въ обширный, свѣтлый притворъ: Преображенскiй соборъ (первый по величинѣ), расположенный рядомъ Троицкiй соборъ (гдѣ покоятся мощи преподобныхъ Зосимы и Савватiя) и соединенная съ ними внутреннимъ ходомъ Успенская церковь помѣщаются всѣ въ верхнемъ этажѣ. Упомянутый выше притворъ простирается и вдоль сѣверной стѣны храма Преображенiя; въ глубинѣ его находится входъ въ главную святыню обители—Троицкую соборную церковь. Было половина двѣнадцатаго. Служба въ соборахъ окончилась; храмъ Спаса Преображенiя былъ уже закрытъ, а въ Троицкой церкви я засталъ еще нѣсколько десятковъ посѣтителей, молившихся предъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. Гробницы Зосимы и Савватiя помѣщены рядомъ, каждая въ особой нишѣ, вдоль южной стѣны. Великолѣпная золоченая рѣзная сѣнь, основными мотивами которой служатъ двѣ арки, поддерживающiя трехугольный щитъ, вѣнчаетъ собой эту древнюю святыню.

Отложивъ до слѣдующаго дня осмотръ соборовъ и достопримѣчательностей, я рѣшилъ воспользоваться

яснымъ и тихимъ днемъ и побродить по острову. Миновавъ сухой докъ, кладбище и Архангельскую гостиницу, я углубился въ березовый лѣсъ. Низкорослыя деревья простирали надо мною свои причудливо-изогнутыя вѣтви съ едва распустившимися клейкими листьями. По дорогѣ попадались рытвины, наполненныя водою; неровная каменистая почва была мѣстами подернута мхомъ. Лѣсъ тянулся до самого моря. Достигнувъ опушки, я направился вдоль береговой отмели, обогнулъ небольшую бухту и присѣлъ на одинъ изъ большихъ камней, разбросанныхъ по пологому скату берега. Плоскія раковинки блестѣли на гладкомъ пескѣ; кое-гдѣ зеленѣла травка, пробивались бѣлые полевые цвѣты. Море, спокойное и величавое, переливало нѣжно-голубыми тонами... На горизонтѣ прозрачной лазури неба мягко рисовались контуры Заяцкихъ острововъ, большого и малаго; глазъ едва различалъ бѣлую церковь Андреевскаго скита — послѣдняго земного жилища иноковъ, ищущихъ полнаго уединенія. Кругомъ—ни звука, ни шороха. Лишь слабый плескъ волны, которая чуть колышетъ береговыя водоросли, будитъ уснувшую мысль и не даетъ окончательно погрузиться въ созерцаніе. Сѣверная природа, полная поэзіи и какой-то неизъяснимой грусти, сказалась во всей своей дивной, таинственной красотѣ...

Отдаленный шумъ шаговъ заставилъ меня прислушаться. Вдоль берега заводи, съ трудомъ ступая по рыхлому песку, медленно подвигались два странника. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня путники остановились. Одинъ изъ нихъ былъ дряхлый старикъ съ бѣ-

лыми, какъ лунь волосами и блѣднымъ морщинистымъ лицомъ. Другой, лѣтъ пятидесяти, съ большой головой, орлинымъ носомъ и густыми, падающими до плечъ, кудрями, напоминалъ своей внѣшностью изображенія древнихъ воинственныхъ скиѳовъ на барельефахъ Никопольской вазы. Истоптанные лапти, сильно поношенная одежда и загорѣлыя лица говорили о далекомъ, утомительномъ пути. Паломники видимо наслаждались красой окружающей природы. «Какъ хорошъ Божій міръ!»—казалось, говорили ихъ вдумчивые глаза, устремленные въ невѣдомую даль...

Въ 6 часовъ вечера протяжный гулъ монастырскаго колокола напомнилъ посѣтителямъ о наступленіи времени вечерняго богослуженія. Длинной вереницей потянулись они къ Преображенскому собору. Большая часть богомольцевъ, посѣщающихъ Соловки,—крестьяне губерній Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Вятской; но между ними нерѣдко можно встрѣтить паломниковъ, прошедшихъ многія тысячи верстъ. Такъ, на одной изъ станцій Архангельской дороги мнѣ пришлось бесѣдовать со странникомъ, который возвращался изъ Соловецкаго монастыря къ себѣ па родину въ Акмолинскую область, имѣя въ виду «по дорогѣ» поклониться святынямъ Кіева, Воронежа и Задонска...

По наружному виду соборъ во имя Преображенія Господня, построенный святителемъ Филиппомъ въ 1558—1566 гг. на мѣстѣ древняго деревяннаго храма, подходитъ къ наиболѣе распространенной, такъ называемой кубической, формѣ русскихъ церквей.

Храмъ этого типа представляетъ обыкновенно прямоугольный параллелепипедъ, высота котораго не болѣе, чѣмъ на 5—10 % превосходитъ основаніе передняго фасада. Въ данномъ случаѣ форма эта получаетъ нѣкоторое развитіе въ угловыхъ башняхъ въ видѣ усѣченныхъ квадратныхъ пирамидъ; въ каждой изъ этихъ башенъ-контрфорсовъ устроена малая церковь. Какъ центральная часть зданія, такъ и незначительно приподнятыя надъ ней угловыя башни покрыты плоскими четырехскатными крышами, надъ которыми возвышаются невысокіе барабаны, поддерживающіе куполы луковичнаго типа. Главный (средній) барабанъ имѣетъ форму восьмиугольной усѣченной пирамиды и снабженъ восемью окнами. Кровли и главы выкрашены зеленой краской, кресты—желтаго цвѣта. Западная, лицевая сторона собора (надъ флигелемъ) расчленена двумя вертикальными поясами, состоящими каждый изъ пятнадцати рядовъ четырехгранныхъ выступовъ, симметрично выкрашенныхъ въ четыре цвѣта. Совершенно такую же роспись можно видѣть, между прочимъ, на стѣнахъ трапезной церкви Троице-Сергіевой лавры. Верхняя часть стѣны украшена фресковой живописью, въ видѣ четырехъ отдѣльныхъ картинъ полукруглой формы. Эти фрески, изъ которыхъ я могъ разобрать только одну,—Преображеніе Господне,—видны только при входѣ на монастырскій дворъ; по мѣрѣ приближенія зрителя къ собору, онѣ закрываются переднимъ корпусомъ. Остальные фасады собора, равно какъ и прочіе храмы, часовни, жилые корпуса и хозяйственныя постройки

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ

С.П.Б. МѢЩ. 2-57.

Икона Знаменія Божіей Матери
надъ входомъ въ Преображенскій соборъ.

монастыря лишены какихъ бы то ни было архитектурныхъ украшенiй. Не совсѣмъ удачная идея угловыхъ башенъ и бѣдность наружной отдѣлки придаютъ собору нѣсколько тяжелый и грубый видъ, совершенно не соотвѣтствующiй его внутренней отдѣлкѣ. При входѣ въ церковь останавливаютъ на себѣ взоръ посѣтителя устроенные на обоихъ подкупольныхъ столбахъ вызолоченные полукруглые балдахины, убранные малиновой шелковой тканью. Подъ каждымъ изъ нихъ находятся, одна надъ другой, двѣ пядничныхъ иконы *). По бокамъ стоятъ сдѣланныя изъ дерева и также покрытыя позолотой фигуры ангеловъ, въ человѣческiй ростъ. На южномъ столбѣ ангелы какъ бы осѣняютъ образа рипидами, а на сѣверномъ пилонѣ— держатъ надъ ними дикирiй и трикирiй. Подобнаго рода изображенiя ангеловъ (символически представляющихъ собою дiаконовъ во время богослуженiя) мы видимъ уже въ мозаикахъ равеннскихъ церквей VI вѣка, откуда онѣ преемственно переходятъ и въ составъ алтарной росписи православныхъ храмовъ (мозаика Тайной Вечери въ кiевскомъ Софiйскомъ соборѣ, XI вѣка). Стѣны храма покрыты фресками, представляющими событiя изъ евангельской исторiи. Способъ письма и отдѣлка подробностей носятъ слѣды поздняго происхожденiя. Дѣйствительно, изъ исторiи монастыря видно, что наша живопись исполнена при архимандритѣ Порфирiи (1859—1865), извѣстномъ,

*) Пядничной иконой называется въ церковномъ обиходѣ икона, имѣющая въ продольномъ и поперечномъ размѣрахъ не болѣе „пяди", т. е., примѣрно, одного фута.

между прочимъ, своей заботливостью и добрымъ отношеніемъ къ находившимся въ монастырѣ ссыльнымъ за преступленія противъ религіи*). О. Порфирію монастырь обязанъ устройствомъ школы для мальчиковъ, изъ года въ годъ пребывающихъ въ монастырѣ въ числѣ около ста человѣкъ, постройкой каменныхъ храмовъ въ Савватіевой пустыни и на Сѣкирной горѣ и организаціей пароходнаго сообщенія съ материкомъ.

Пятиярусный иконостасъ, довольно выдержаннаго византійскаго стиля, былъ первоначально сооруженъ въ 1697 году на средства, пожертвованныя Петромъ I, посѣтившимъ, какъ извѣстно, Соловецкіе острова два раза (въ 1694 и 1702 гг.). Насколько, однако, можно судить по внѣшнему виду, иконостасъ подвергался, и, вѣроятно, не одинъ разъ, позднѣйшей передѣлкѣ, что до нѣкоторой степени подтверждается и письменными данными. Такъ, мы знаемъ, что около 1830 г. были устроены въ соборной церкви Преображенія Господня иконостасы «позолоченные на полиментѣ лучшей столярной работы, съ рѣзьбой и художественной живописью» **). С. Максимовъ, описывая свою поѣздку въ Соловецкій монастырь въ 1856 году, сообщаетъ, что Запечная икона Божіей Матери (о ко-

*) Историческія справки о соловецкихъ арестантахъ помѣщены въ извѣстномъ трудѣ С. В. Максимова: „Годъ на Сѣверѣ“ и въ статьѣ М. А. Колчина: „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря“ (Русская Старина 1887). Съ 1883 года Соловецкій монастырь не служитъ болѣе мѣстомъ ссылки.

**) Краткая исторія Ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря. С.-Петербургъ, 1899, стр. 57.

торой будетъ сказано ниже) и чудотворная икона Сосновской Божіей Матери (явилась въ 1627 году на соснѣ, на сѣверномъ берегу острова) находились въ то время въ числѣ мѣстныхъ образовъ (нижній рядъ) *), нынѣ же эти иконы помѣщены на поддерживающихъ куполъ пилонахъ. Изъ этого видно, что послѣ 1856 года въ иконостасѣ были сдѣланы измѣненія, о чемъ, однако, въ «Исторіи Соловецкаго монастыря» не говорится. Основной темно-синій фонъ иконостаса, оттѣняя витыя золотыя полуколонки, абаки и тяги, придаетъ цѣлому замѣчательно красивый и изящный колоритъ. Надъ мѣстными иконами, въ дорогихъ серебряныхъ ризахъ, помѣщенъ рядъ складней (на промежуточныхъ колонкахъ). За нимъ слѣдуетъ праздничный ярусъ. Третій поясъ—деисусъ и апостолы—занимаетъ по высотѣ первое мѣсто **). Четвертый рядъ, пророческій, имѣетъ въ срединѣ икону Знаменія Божіей Матери. Послѣдній ярусъ (патріаршій) увѣнчанъ вырѣзанными изъ дерева изображеніями распятаго Спасителя, Богоматери и Іоанна Богослова.

Вечерня только что началась; молящихся было довольно много. Я прошелъ къ южному придѣлу, гдѣ стоитъ у стѣны рака святителя Филиппа, бывшаго

---

*) С. Максимовъ. Святыя мѣста земли русской. Соловецкій монастырь. Четвертое изданіе. 1890, стр. 22

**) Деисусъ—икона, изображающая посрединѣ Іисуса Христа, въ архирейскомъ или царскомъ одѣяніи, а по сторонамъ Богоматерь и Іоанна Предтечу. Названіе это произошло отъ греческаго слова „δέησις“ (деисисъ) — молитва. Съ теченіемъ времени весь третій ярусъ иконостаса сталъ именоваться деисусомъ.

настоятеля Соловецкаго монастыря, впослѣдствіи митрополита московскаго. Мощи святителя почивали здѣсь до перенесенія ихъ въ Москву (1652). Мудрому управленію св. Филиппа (1548 — 1566) и его неусыпнымъ заботамъ обитель обязана постройкой трехъ каменнымъ храмовъ, Преображенскаго, Успенскаго и Троицкаго (взамѣнъ древнихъ деревянныхъ), сооруженіемъ кирпичнаго завода и водяной мельницы, проведеніемъ шоссейныхъ дорогъ и многими другими хозяйственными устройствами, которыя улучшили бытъ монашествующихъ и упрочили будущее благосостояніе обители.

Меня окружалъ деревенскій людъ. Слабый голосъ чтеца доносился до насъ отдѣльными фразами. Стараясь уловить смыслъ молитвъ, мужички и бабы набожно крестились, дѣлая отрывистые поясные поклоны. Въ концѣ службы медленно открылись южныя двери алтаря... появилась высокая, согбенная фигура схимника. Земно поклонившись ракѣ святителя-мученика, старецъ поправилъ дрожащей рукою горящія передъ ней свѣчи, медленно затѣмъ сошелъ съ солеи и сталъ въ углубленіи оконной ниши. Полоса свѣта скользила по черному одѣянію монаха, тускло отражаясь въ нашитыхъ на аналавѣ и кукулѣ надписяхъ, крестахъ и адамовыхъ головахъ. Чувство невольнаго уваженія внушалъ этотъ человѣкъ, окончательно отрѣшившійся отъ земли съ ея радостями и ея горестями. Какія молитвенныя ощущенія испытываетъ онъ на рубежѣ иного міра, «идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе»?..

«Свѣте тихій святыя славы...»—раздались первыя слова трогательнаго вечерняго гимна. Звонкій альтъ одного изъ монашковъ-пѣвцовъ покрывалъ собою пѣніе хора и, отражаясь въ сводчатыхъ покрытіяхъ храма, уходилъ въ темнѣющую высь купола. Мнѣ никогда не приходилось слышать такого голоса. Замѣчательно сильный и чистый, онъ, въ то же время, отличался удивительной красотой и нѣжностью звука. Среди молитвенныхъ думъ внезапно нахлынули на меня далекія воспоминанія и образы дѣтства, юности... Ясно и отчетливо возникали они въ памяти, какъ отзвуки давно знакомой слуху церковной пѣсни.

Служба кончилась. Густая толпа богомольцевъ медленно подвигалась къ выходу. На послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы передніе ряды замедлили ходъ и вскорѣ остановились: приближалась похоронная процессія. Впереди шелъ іеромонахъ; четыре послушника несли за нимъ простой гробъ, закрытый чернымъ покровомъ съ нашитыми на немъ крестами и словами молитвъ. Одинъ изъ прибывшихъ на богомолье крестьянъ нашелъ въ обители вѣчное успокоеніе...

Выйдя изъ монастыря, я пошелъ по дорогѣ, огибающей островъ съ западной стороны. За небольшимъ пригоркомъ начался кустарникъ, постепенно переходящій въ крупный березнякъ. Изъ-за вѣтвей порою мелькали желтые кресты соборовъ. Въ лѣсу было тихо... птицы изрѣдка перекликались. Шагахъ въ пятидесяти, на дорогу выбѣжала лисица; замѣтивъ присутствіе человѣка, она быстро нырнула въ чащу...

Когда я вернулся въ гостиницу, всѣ уже преда-

вались покою. Въ Соловкахъ рано ложатся спать: будильный колокольчикъ поднимаетъ паломниковъ въ три часа утра.

V.

Трапезная.—Ризница.

На слѣдующій день я отправился къ ранней обѣднѣ, которая служится въ храмѣ Преподобныхъ (Троицкій соборъ) и начинается въ седьмомъ часу утра.

Троице-Зосимо-Савватіевскій соборъ построенъ по тому же типу, какъ и Преображенскій, но значительно меньше его по площади и по высотѣ. Стѣны и четыре опорныхъ столба сплошь покрыты иконами, между которыми можно замѣтить и образцы древняго письма. Въ историческомъ отношеніи соборъ не представляетъ особаго интереса, такъ какъ онъ построенъ въ 1859 году. Поводомъ къ сооруженію храма послужило посѣщеніе обители Царемъ-Освободителемъ, Императоромъ Александромъ II. Онъ обратилъ вниманіе на тѣсноту старой церкви и явился первымъ жертвователемъ на постройку новой, болѣе помѣстительной.

По окончаніи литургіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ собора были поставлены аналои и столики (каноны): началось служеніе молебновъ и панихидъ. Отовсюду доносились ко мнѣ возгласы іеромонаховъ и чтеніе заздравныхъ и заупокойныхъ листковъ, по временамъ покрываемое звонкими голосами мальчиковъ, которые читали молитвы и пѣли. Паломники благоговѣйно внимали служенію требъ. Непоколеби-

мой вѣрой и смиреніемъ дышало ихъ безыскусственное обращеніе къ Богу. Каждый, видимо, до того углубился въ молитву, что ему нисколько не мѣшало одновременное совершеніе требъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ церкви. Всѣ слова, мысли и чувства какъ бы сливались въ одинъ общій гимнъ Творцу. Неизгладимое впечатлѣніе производитъ умилительное зрѣлище служенія молебновъ и панихидъ въ соборѣ Преподобныхъ...

До начала поздней обѣдни оставалось еще часъ времени, которымъ можно было воспользоваться для осмотра достопримѣчательностей и ознакомленія съ общимъ расположеніемъ монастырскихъ церквей и построекъ. Оставивъ Троицкій соборъ, я направился къ сѣверу вдоль линіи монастырскихъ зданій и увидѣлъ вскорѣ входъ въ церковь во имя св. Германа, сотрудника Зосимы и Савватія, гдѣ и почиваютъ подъ спудомъ его мощи. Здѣсь же, нѣсколько южнѣе, близъ часовни, въ которой покоятся мощи мѣстно-чтимаго преп. Иринарха, бывшаго игумена обители (1614—1626), находится небольшая келья, въ родѣ пещеры, которая служила усыпальницей св. Филиппу до перенесенія мощей его въ Преображенскій соборъ; отсюда, въ половинѣ XVII вѣка, онѣ, какъ извѣстно, были торжественно перевезены въ московскій Успенскій соборъ.

Въ сѣверной части главной группы зданій помѣщается, рядомъ съ хлѣбопекарней, церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, устроенная въ 1859 году на мѣстѣ явленія св. Филиппу, во время исполненія имъ послушанія хлѣбопека, иконы Божіей Матери, именуемой Запечною. Благодаря прекрасной

копіи, изготовленной въ литографіи Соловецкаго монастыря (продается всего за восемь копеекъ), я получилъ возможность внимательно разсмотрѣть этотъ рѣдкій образецъ старинной иконописи *).

У восточной стѣны храма Преображенія взоръ посѣтителя останавливается на могилѣ одного изъ славныхъ русскихъ патріотовъ, Авраама Палицына. Когда, съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича, окончились тяжелые годы смутъ и междуцарствія, бывшій келарь Троице-Сергіевой лавры поселился въ тиши Соловецкой обители, гдѣ и скончался въ 1627 г.

При дальнѣйшемъ обходѣ центральнаго ряда построекъ киновіи, нельзя не обратить вниманія на оригинальную форму церкви св. Филиппа (больничной), заканчивающей собою южную линію боковыхъ зданій, которыя охватываютъ неправильнымъ четырехугольникомъ соборы, часовни и мастерскія, находящіеся по срединѣ двора. По наружному виду храмъ этотъ напоминаетъ церковь Владимірской иконы Божіей Матери въ Москвѣ, у Владимірскихъ воротъ (нижній ярусъ—прямоугольный параллелепипедъ, верхній — шестиугольная призма).

По типу церковь эта должна быть отнесена къ позднѣйшему, московскому. періоду храмового зодчества; и дѣйствительно, она построена въ 1798 году. Къ больничной церкви непосредственно примыкаетъ

*) Края иконы заполнены непрерывающейся виноградной лозой, образующей девять петель (клеймъ), въ которыхъ помѣщены изображенія праотцевъ и пророковъ. Внизу, въ сидячемъ положеніи,—пророкъ Давидъ.

домъ для престарѣлыхъ монаховъ и схимниковъ. Послѣдніе обитаютъ также въ Свято-Троицкомъ и Голгоѳо-Распятскомъ скитахъ на Анзерскомъ островѣ. Одни изъ схимниковъ исполняютъ послушанія при церквахъ, другіе живутъ въ затворѣ, никому не показываются и употребляютъ въ пищу лишь святыя Тайны да антидоръ.

Въ верхнемъ этажѣ Филипповой церкви устроена въ 1859 году церковь во имя Знаменія Пресвятой Богородицы.

Чтобы закончить перечень монастырскихъ храмовъ, слѣдуетъ упомянуть о пятиглавой церкви святителя Николая: она помѣщается между соборами Преображенія и Успенія; построена въ 1834 г. взамѣнъ деревянной, сооруженной въ 1577 г.

Отслушавъ позднюю литургію въ Преображенскомъ соборѣ, я направился вмѣстѣ съ другими богомольцами въ трапезную. Путь нашъ лежалъ по длинному свѣтлому коридору, соединяющему широкіе притворы соборовъ съ трапезнымъ храмомъ Успенія. Простѣнки этой галлереи расписаны картинами дидактическаго содержанія и сценами изъ евангельской исторіи и житій святыхъ. Серія фресокъ, изображающихъ страданія Спасителя (9 картинъ), мытарства блаженной Ѳеодоры, притчу объ Авраамѣ и Лазарѣ, эпизоды изъ жизни Макарія египетскаго и многія другія картины постоянно привлекаютъ къ себѣ любознательную толпу паломниковъ. Вслѣдствіе значительнаго скопленія богомольцевъ,—во время моего пребыванія, съ 11 по 15 іюня, по словамъ монаховъ, было до двухъ ты-

сячъ человѣкъ,—въ Успенскомъ соборѣ могла трапезовать только часть пріѣзжихъ, большинство же обѣдали въ особой столовой; женщины помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ.

Одинъ изъ монаховъ провелъ меня въ трапезную, гдѣ и указалъ мѣсто за узкимъ столомъ, огибающимъ массивный круглый пилонъ, который поддерживаетъ сводчатыя покрытія палаты (въ 12 саженъ длины и 10 саженъ ширины) и помѣщенные надъ нею два малыхъ храма. У восточной стѣны, обдѣланной въ видѣ иконостаса, былъ накрытъ столъ для настоятеля, намѣстника, казначея, ризничаго, духовника и старѣйшихъ монаховъ. Стѣна эта оканчивается на южной сторонѣ широкой аркой, въ глубинѣ которой виденъ алтарь. Пространство между аркой и солеей, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ, образуетъ небольшую внутреннюю церковь; нѣчто подобное представляютъ изъ себя боковые придѣлы Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ. Поверхность стѣнъ сплошь покрыта живописью: событія изъ жизни Христа Спасителя чередуются здѣсь съ ликами святыхъ отшельниковъ и фресками мистическаго содержанія. Простота убранства и техника исполненія стѣнной росписи носятъ отпечатокъ старины. Соборъ построенъ въ половинѣ XVI вѣка.

Трапезная продолжала наполняться иноками и богомольцами. Чрезъ четверть часа въ дверяхъ появился настоятель обители, отецъ Іоанникій. Спокойной походкой, слегка опираясь на посохъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ алтарю

и остановился; хоръ монаховъ пропѣлъ установленныя молитвы, затѣмъ настоятель прочелъ «Отче Нашъ», и, сопровождаемый намѣстникомъ, направился къ своему мѣсту. Какъ только всѣ размѣстились, одинъ изъ сидѣвшихъ за главнымъ столомъ іеромонаховъ потянулъ за веревку небольшого колокола, который висѣлъ у стѣны. Нѣсколько десятковъ мальчиковъ, въ своихъ сѣрыхъ и синихъ балахонахъ и кожаныхъ поясахъ, быстро вошли въ трапезную. Каждый несъ большую миску съ супомъ и ставилъ ее на заранѣе назначенный столъ. На 4 человѣка полагается одна общая суповая чашка. Во время трапезы происходитъ, согласно монастырскому обычаю, чтеніе житія дневного святого.

Не знаю, испытывали ли чувство брезгливости мои немногочисленные сотоварищи по путешествію, которые воспитаны въ тѣхъ же условныхъ традиціяхъ, какъ и я, но съ своей стороны могу смѣло заявить, что мнѣ не пришлось надъ собою дѣлать въ этомъ отношеніи рѣшительно никакихъ усилій. Здѣсь, въ далекой пустынѣ Соловецкой обители, среди людей, связанныхъ одной общей идеальной цѣлью, съ особенной силой проникаетъ въ душу сознаніе единенія, сознаніе братства людей во Христѣ. А разъ это чувство, самое дорогое для человѣка, васъ охватило — нѣтъ болѣе мѣста искусственно привитымъ понятіямъ и привычкамъ.

По слѣдующему звонку опять появились мальчики-подростки съ новымъ блюдомъ, разсыпались въ разныя стороны и быстро смѣнили первое кушанье. Намъ прислуживалъ миловидный монашекъ, лѣтъ двѣ-

надцати, съ вьющимися бѣлокурыми волосами. Подходя къ столу, онъ кланялся мнѣ въ поясъ (вѣроятно потому, что я сидѣлъ съ краю), произносилъ установленную молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ» и ставилъ блюдо на столъ. По случаю поста обѣдъ былъ весьма скромный. Вотъ перечень блюдъ: квасъ съ лукомъ, капустой и кусочками трески; щи, уха изъ плотвы и пшенная каша. Не могу не вспомнить о превосходномъ ржаномъ хлѣбѣ, кусокъ котораго лежалъ на мѣдной луженой тарелкѣ предъ каждымъ обѣдающимъ.

По окончаніи трапезы, всѣ направились въ ризницу для осмотра старинныхъ церковныхъ сосудовъ, ризъ и прочихъ предметовъ. Въ большой свѣтлой комнатѣ, уставленной вдоль стѣнъ сплошнымъ рядомъ стеклянныхъ шкафовъ, хранятся древнія Евангелія, напрестольные кресты, потиры, священныя облаченія, книги и прочіе предметы. Послѣ деревянныхъ сосудовъ временъ игумена Зосимы и каменнаго келейнаго креста преподобнаго Савватія, наиболѣе сильное впечатлѣніе производитъ каменное клепало. Это небольшой плоскій кусокъ камня, который когда-то замѣнялъ колоколъ.

Въ первые вѣка христіанства созывали на молитву (въ египетскихъ монастыряхъ) при помощи воловьяго рога *). Позднѣе стали пользоваться для этой цѣли колоколами. Въ IX вѣкѣ они входятъ въ

---

*) А. Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи, въ 1834—1835 г. Часть II. 1840, стр. 351.

западной Европѣ во всеобщее употребленіе, между тѣмъ какъ въ греческой церкви, при сравнительно ограниченномъ распространеніи колоколовъ, пользуются для созыва на молитву ударными снарядами; они, обыкновенно, состояли или изъ деревянной доски, или изъ желѣзной полосы, или, наконецъ, изъ чугунной плиты. Устройства эти изъ Византіи перешли къ намъ и стали извѣстны подъ именемъ билъ или клепалъ. Они существовали въ нѣкоторыхъ русскихъ церквахъ еще до XVI вѣка, хотя первые кіевскіе и новгородскіе храмы были уже снабжены колоколами. Если деревянныя и металлическія клепала были въ обычномъ употребленіи, то о каменныхъ билахъ мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, и въ этомъ отношеніи клепало Соловецкаго монастыря имѣетъ извѣстный историческій интересъ.

Кромѣ поименованныхъ выше способовъ извѣщенія богомольцевъ о началѣ богослуженія, пользовались на Руси, въ видѣ исключенія, и нѣкоторыми другими пріемами. Такъ, въ 1626 году енисейскій воевода, между прочимъ, донесъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что въ устроенной въ енисейскомъ острогѣ церкви «колоколовъ нѣтъ, а звонятъ въ якори». Царь приказалъ тогда выслать колокола вѣсомъ «въ пудъ или мало больши» *).

---

*) „Русская Старина". Іюнь, 1892 г.

Такіе легкіе колокола (до 5 пуд.), называемые зазвонными, существуютъ, какъ извѣстно, и по нынѣ, но служатъ исключительно для начала трезвона. Вѣсъ колоколовъ, которые служили для благовѣста, въ церковномъ обиходѣ до

Пока одна часть посѣтителей осматривала историческіе предметы и древности, другая—пробовала на вѣсъ и даже надѣвала на себя тяжелыя вериги подвижниковъ. Вериги эти, большей частью, состоятъ изъ двухъ чугунныхъ крестовъ, соединенныхъ между собою крестъ на крестъ цѣпями; такимъ образомъ, когда вериги надѣты, кресты находятся на груди и на спинѣ.

Оставивъ ризницу и выйдя изъ-подъ сводчатой галлереи Святыхъ воротъ, я прошелъ къ гавани и остановился у ея каменной набережной. Мелкая рябь покрывала гладкую водную поверхность серебристой чешуей. Нѣсколько паломниковъ бесѣдовало на берегу съ прибывшими на лодкахъ поморками. Сдѣлавъ переходъ около 60 верстъ и пріѣхавъ цѣлыми семьями (двое грудныхъ дѣтей лежали въ одномъ изъ карбасовъ), онѣ привезли, между прочимъ, для продажи камни, къ которымъ прикрѣпились своей корневидной частью морскія водоросли. Подобные валуны, находимые также у береговъ Соловецкаго

XIV вѣка не превосходилъ 100 пуд. Два столѣтія спустя, въ Москвѣ отливаются уже колокола въ 1000 пудовъ. Въ XVII вѣкѣ вѣсъ ихъ возрастаетъ до 2000 и 3000 пудовъ. Въ 1654 году изготовленъ для колокольни Ивана Великаго колоколъ въ 8000 пудовъ. Наконецъ, Царь-колоколъ вѣситъ около 12300 пудовъ. Послѣднія двѣ цифры представляютъ исключенія: наибольшіе колокола, употребляемые въ настоящее время, по вѣсу не превышаютъ 4000 пудовъ.

Весьма интересныя данныя о развитіи церковнаго звона и, въ особенности, объ искусствѣ и техникѣ колокольнаго звона помѣщены въ брошюрѣ С. Г. Рыбакова: „Церковный звонъ въ Россіи“ (С.-Петербургъ, 1896).

острова, пріобрѣтаются крестьянами центральныхъ губерній, какъ нѣчто диковинное. За двѣ, за три копейки продавались болѣе или менѣе крупные экземпляры.

— Не привезешь—не повѣрятъ въ деревнѣ, что трава на камнѣ растетъ,—обратился ко мнѣ сморщенный сѣденькій старичекъ, бережно заворачивая въ холстину нѣсколько штукъ «рѣдкостнаго камня». Покупатель, разумѣется, не подозрѣвалъ, что въ жизни водорослей почва не имѣетъ значенія, такъ какъ элементы питанія онѣ получаютъ непосредственно изъ воды, камень же служитъ для нихъ лишь точкой опоры.

Тутъ же по близости группа мужичковъ внимательно слушала разсказъ странника о путешествіи въ Іерусалимъ. Всюду — добродушныя, улыбающіяся лица. Что-то дѣтски наивное чувствовалось въ этихъ труженикахъ земли, собравшихся сюда, можетъ быть, за многія сотни и тысячи верстъ...

VI.

Савватіева пустынь.—Сѣкирная гора.

По совѣту симпатичнаго отца Николая, былъ заказанъ мною въ конторѣ гостиницы экипажъ для поѣздки, послѣ трапезы, въ Савватіеву пустынь, расположенную въ сѣверо-западной части острова, въ 12 верстахъ отъ монастыря.

Теплый лѣтній день манилъ въ лѣсную глушь... Я помѣстился со своимъ спутникомъ на дрожки; мальчикъ-кучеръ тронулъ возжами, и лошади быстро побѣжали по шоссе. Вскорѣ достигли мы вершины пологаго холма, гдѣ стоятъ рядомъ три громадныхъ, до 2 саженъ высоты, деревянныхъ восьмиконечныхъ креста, выкрашенныхъ въ буро-красный цвѣтъ и прикрытыхъ двумя наклонными досками, образующими родъ двухскатной кровли. Подобнаго рода кресты, поддерживаемые четырехугольными срубами, во множествѣ встрѣчаются, какъ на островахъ, такъ и на разбросанныхъ въ Соловецкой губѣ лудахъ. Они ставятся: въ случаяхъ избавленія отъ опасности на морѣ, въ память какого-либо знаменательнаго событія, взамѣнъ вѣхъ для опредѣленія фарватера и, наконецъ, просто съ цѣлью возможно чаще напоминать монахамъ и паломникамъ о молитвѣ, о смерти... Не есть ли это обыкновеніе остатокъ стариннаго обычая насельниковъ Сѣвернаго края, которые,— во время своихъ періодическихъ передвиженій, связанныхъ съ условіями веденія подсѣчнаго хозяйства,—ставили кресты въ мѣстахъ отдыха и на распутіяхъ? Вѣроятность высказаннаго предположенія подтверждается обиліемъ крестовъ въ Прионежьѣ и притомъ совершенно такой же формы.

За изгородью, отдѣляющей монастырскіе огороды отъ выгона, начался мелкій березовый лѣсъ. По мѣрѣ удаленія въ глубь острова, холмистый характеръ мѣстности обрисовывался все болѣе и болѣе замѣтными штрихами. Дорога то взбѣгала на возвышенія, то оги-

бала извилистые берега разбросанныхъ по острову многочисленныхъ озеръ. Тощій березнякъ скоро уступилъ мѣсто прекрасному строевому лѣсу. Уходящіе въ высь стволы красноватыхъ сосенъ и темно-зеленыхъ елей придавали мѣстности отпечатокъ средней полосы Россіи, и только попадающіяся тутъ и тамъ едва распустившіяся березки напоминали, что мы находимся подъ 65° с. ш.

Нѣсколько недѣль сѣвернаго лѣта, среди нихъ нѣсколько жаркихъ дней, и затѣмъ, со второй половины августа, начинаются заморозки. Въ сентябрѣ море уже становится бурнымъ; частые туманы, холодный сѣверный вѣтеръ — предвѣщаютъ скорое наступленіе зимы. У береговъ образуются припаи (ледяныя полосы), шириною въ нѣсколько верстъ. Въ ноябрѣ океанъ покрывается льдинами; постепенно увеличиваясь, онѣ превращаются въ громадныя движущіяся ледяныя поля. Настаетъ суровая, продолжительная зима; сообщеніе съ монастыремъ прекращается; семь-восемь мѣсяцевъ островъ окруженъ плавающими льдами. Ночное время становится все продолжительнѣе и доходитъ до 22 часовъ въ сутки. Лишь яркій блескъ разноцвѣтныхъ лучей спо́лоха (сѣвернаго сіянія) нарушаетъ порою тоскливый мракъ полярной ночи...

Путь нашъ лежалъ мимо двухъ часовенъ, поставленныхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преподобные Зосима и Германъ, по прибытіи на островъ въ 1436 году, выстроили себѣ кельи и жили до устройства обители. На пятой верстѣ отвѣтвляется дорога въ Макарьев-

скую пустынь. Этотъ прелестный уголокъ вызываетъ справедливое удивленіе посѣщающихъ Соловки обитателей Архангельскаго края своими парниками и оранжереями.

Любуясь красотами непрерывно мѣняющихся ландшафтовъ, мы незамѣтно сдѣлали десять верстъ. Дорога, продолжая изгибаться, шла густымъ лѣсомъ; за послѣднимъ поворотомъ она сразу выпрямилась, и предъ нами открылась живописная перспектива Сѣкирной горы и расположеннаго на ея вершинѣ Спасо-Вознесенскаго скита. Возница объѣхалъ гору съ лѣвой стороны и, сдѣлавъ еще около двухъ верстъ, остановился у ограды Савватіевой пустыни. Она находится въ той части острова, гдѣ первые пустынножители, постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Савватій и питомецъ Валаама Германъ, провели шесть лѣтъ подвижнической жизни (1429 — 1435). Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ церкви и братскому корпусу киновіи, какъ невольно остановился: на открытой полянѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса, стоялъ монахъ и кормилъ изъ рукъ лисицу. Видя мое недоумѣніе, инокъ сообщилъ мнѣ, что изъ числа живущихъ въ лѣсу хищныхъ звѣрей лисицы стали ручными; онѣ ежедневно лѣтомъ являются въ скитъ за подачкой. Эти монастырскіе пенсіонеры, впрочемъ, всегда держатъ себя настороже и при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи — убѣгаютъ. Въ доказательство справедливости своего замѣчанія мой собесѣдникъ поднялъ руку, чтобы погладить хитраго звѣрька, но едва

послѣдній успѣлъ замѣтить это движеніе, какъ мгновенно скрылся въ чащѣ деревьевъ.

На островѣ водится разнаго рода пушный звѣрь: лисица, куница, песецъ, заяцъ и бѣлка, и много дичи. Охота на монастырскихъ земляхъ воспрещена, да, если бы она и была дозволена,—на островахъ некому охотиться; поэтому хищныя четвероногія здѣсь вообще не боятся людей. Если нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ, лисицъ, и истребляютъ (ловятъ капканами) ради мѣха, то птицъ никто не трогаетъ, и онѣ вполнѣ безбоязненно приближаются къ человѣку. Въ глубинѣ острова есть нѣсколько сотъ лапландскихъ оленей. Появленіе ихъ относится ко временамъ св. Филиппа, который озаботился также разведеніемъ на островѣ Большой Муксалмѣ рогатаго скота *). Олени истребляются въ незначительномъ количествѣ; мясо ихъ идетъ въ пищу годовикамъ (такъ называютъ здѣсь богомольцевъ-крестьянъ, которые по обѣту остаются въ монастырѣ на годъ въ качествѣ добровольныхъ работниковъ), а кожа поступаетъ на кожевенный заводъ. Монахи иногда пользуются оленями для поѣздки зимой, въ случаѣ надобности, въ Кемь.

Въ небольшой каменной церкви находилось уже нѣсколько паломниковъ, преклонившихъ колѣни предъ древней чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери (Одигитріи), принесенной на островъ препо-

---

*) Въ составъ Соловецкаго архипелага входятъ слѣдующіе острова: собственно Соловецкій, Анзерскій, Большая Муксалма, Малая Муксалма, Большой Заяцкій и Малый Заяцкій.

добнымъ Савватіемъ. Прослушавъ молебенъ, посѣтители направились къ часовнѣ Преподобнаго, построенной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ имъ первый крестъ. Находящійся нынѣ крестъ, съ изваяніемъ распятаго Спасителя, поставленъ св. Филиппомъ въ 1554 году. Подобнаго рода деревянныя скульптурныя изображенія Распятія можно видѣть и въ другихъ разбросанныхъ по острову часовняхъ. Оставляя пустынь, мы снова встрѣтили монаха, съ которымъ бесѣдовали ранѣе; медленной поступью возвращался онъ съ сосѣдняго озера, почти примыкающаго къ киновіи, и несъ на коромыслѣ большіе, мѣдные, наполненные водой, сосуды, въ родѣ чайниковъ, которые замѣняютъ здѣсь ведра. Напутствуемые добрыми пожеланіями инока, мы вышли за ограду и отправились обратно.

Около трехъ часовъ пополудни наша повозка вторично достигла Сѣкирной горы. Теплый день давалъ себя чувствовать. Густой, темный боръ распространялъ пріятный и здоровый запахъ сосны. Довольно широкая колесная дорога доходитъ до половины высоты конуса; дальнѣйшій подъемъ совершается пѣшкомъ. Благодаря не особенно крутому уклону тропинки, обдѣланной въ концѣ въ видѣ лѣстницы, восхожденіе нисколько не утомительно. Верхнюю, продолговатую площадку занимаютъ низенькій деревянный флигель для братіи и каменный двухъэтажный храмъ. Вмѣсто обычныхъ пяти главъ, церковь заканчивается колокольней, въ верхней части которой, на высотѣ около 60 саженъ надъ уровнемъ моря, устроенъ

маякъ. На южномъ склонѣ горы разбитъ ягодный садъ. Пробывъ нѣсколько времени въ церкви, я поднялся на колокольню. Куда только ни проникалъ взоръ—всюду недвижно стояли лѣса. Пирамиды елокъ, раскидистыя вершины сосенъ и стройныя пихты постепенно сливались и уходили въ синеватую даль острова. Тутъ и тамъ, притаясь въ чащѣ лѣса, блестѣли озера. На горизонтѣ еще можно было различать тѣсно сплоченную группу монастырскихъ зданій. Въ воздухѣ—тишина; на небѣ—ни одного облачка; вся природа, послѣ долгихъ дней непогоды, мрака и вьюгъ, казалось, отдыхала и нѣжилась подъ палящими лучами солнца.

Сойдя внизъ, я нашелъ церковную площадку пустою; большая часть паломниковъ уже удалилась, и только на крытой террасѣ деревяннаго дома отдыхали нѣсколько странниковъ. Мы сѣли тутъ же, но должны были чрезъ нѣсколько минутъ спуститься внизъ: «комариная сила», которая въ свое время такъ одолѣвала нашего талантливаго этнографа и неутомимаго путешественника покойнаго А. В. Елисѣева, во время его странствованій по Олонецкому краю *), напала на насъ въ такомъ количествѣ, что оставаться дольше было невозможно...

Вечерѣло, когда мы вернулись въ монастырь.

---

*) Докторъ А. В. Елисѣевъ. По Бѣлу-свѣту. С.-Петербургъ, 1894, т. I, стр. 110.

VII.

Островъ Большая Муксалма.—Филиппова пустынь.

На слѣдующій день была намѣчена поѣздка на островъ Большую Муксалму, соединенный съ Соловецкимъ каменной дамбой, длиною до 300 саженъ; она построена въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія. Западный берегъ Муксалмы покрытъ множествомъ валуновъ, которые образуютъ нѣсколько вдающихся въ море грядъ; одинъ изъ подобныхъ выступовъ и послужилъ начальной точкой къ устройству наброски изъ громадныхъ камней, по которой проложена дорога. Эта грандіозная работа выполнена исключительно трудами и усердіемъ соловецкихъ иноковъ.

Минуя конный дворъ, школу и дома для рабочихъ-годовиковъ, повозка моя выѣхала на открытую поляну. Ярко-голубые цвѣты лѣсной незабудки, на своихъ низкихъ и жесткихъ стебелькахъ, ложились узорчатою каймою вдоль линіи шоссе. Проѣхавъ съ версту, мы углубились въ лѣсъ. Восточная часть главнаго острова, по которой лежалъ путь на Муксалму, отличается отъ сѣверо-западной меньшимъ числомъ озеръ и болѣе рѣзкими очертаніями рельефа. Повсюду разбросанные здѣсь валуны,—свидѣтели ледниковаго періода,—выступали тѣмно-сѣрыми глыбами изъ-за зелени кустарника и молодого березняка. Встрѣчались довольно высокіе холмы; одна изъ такихъ возвышенностей, образуя продолговатую сѣдловину, подходила

къ самой дорогѣ. Я вышелъ изъ экипажа и, съ трудомъ взбираясь по крутому откосу, покрытому сѣрымъ мхомъ и кустами черники, кое-какъ добрался до гребня.

Сквозь тонкое кружево лѣса синѣло море... Въ одномъ мѣстѣ вѣтви деревьевъ разступились, и на горизонтѣ показался лѣсистый островъ. Зеленѣющимъ куполомъ высилась на немъ крутая гора, увѣнчанная бѣлымъ зданіемъ: передо мной лежали Анзеры, гора Голгоѳа и Голгоѳо-Распятскій скитъ.

Анзерскій островъ въ орографическомъ отношеніи чрезвычайно походитъ на Соловецкій, отличаясь отъ него только болѣе волнистымъ характеромъ мѣстности. Среди хвойнаго лѣса и березовыхъ насажденій раскинулось до 60 озеръ. Почти въ центрѣ острова находится гора Голгоѳа, около 85 саженъ высоты. Въ 1714 году іеросхимонахъ Іисусъ основалъ на вершинѣ горы скитъ и построилъ церковь во имя Распятія Господня. Проживающіе здѣсь иноки, согласно завѣщанію основателя скита, соблюдаютъ строгій постъ: рыба допускается только въ праздничные дни. Старая деревянная церковь замѣнена въ началѣ прошлаго столѣтія большимъ каменнымъ двухпридѣльнымъ храмомъ, о пяти главахъ, съ отдѣльной колокольней (надъ братскимъ корпусомъ). Въ Голгоѳскомъ скитѣ установлено непрерывное чтеніе псалтыри.

На островѣ имѣется еще второй, Анзерскій Свято-Троицкій, скитъ. Съ Анзерскимъ скитомъ неразрывно связано имя его основателя, пустынника Елеазара.

Подобно Савватію, онъ поселился въ Анзерахъ еще въ то время, когда этотъ островъ былъ необитаемъ. Преподобный изготовлялъ деревянную посуду, приносилъ ее на берегъ, а по возвращеніи находилъ хлѣбъ и рыбу, которые оставляли ему рыбаки въ промѣнъ на его издѣлія. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ 1616 году, Елеазаръ, будучи уже схимникомъ, основалъ скитъ. Во времена Елеазара провелъ въ Анзерскомъ скитѣ нѣсколько лѣтъ въ молитвенныхъ подвигахъ священномонахъ Никонъ, впослѣдствіи всероссійскій патріархъ.

Въ отличіе отъ квадратнаго плана храмовъ Спасо-Вознесенскаго и Голгоѳо-Распятскаго скитовъ, планъ церкви Троицкаго скита представляетъ восьмиугольникъ, а сама церковь—восьмиугольную призму, каждая грань которой увѣнчана закомарой. Шатеръ кровли на половинѣ высоты прерывается цилиндрическимъ поясомъ, окруженнымъ восемью небольшими кокошниками, въ которыхъ вставлены полукруглыя окна. Эта цилиндрическая часть, въ свою очередь, покрыта пирамидальной кровлей (съ высокими слуховыми окнами), заканчивающейся барабаномъ и маковицей. Колокольня построена въ томъ же стилѣ. Въ обоихъ скитахъ, Распятскомъ и Троицкомъ, церкви непосредственно примыкаютъ къ помѣщеніямъ для братіи.

Послѣ часового переѣзда, мы увидѣли морской берегъ, усѣянный желтовато-сѣрыми камнями, въ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Мѣстами эти природныя каменныя насыпи вдавались въ море узкими треугольными выступами, словно лучи ги-

гантскихъ морскихъ звѣздъ. Соединительная дамба идетъ сначала перпендикулярно къ береговой линіи, дѣлаетъ затѣмъ рядъ изгибовъ, захватывая по пути нѣсколько каменныхъ мелей, и выходитъ на пологій берегъ Муксалмскаго острова. Верхняя часть каменной наброски покрыта щебеночной одеждой, образующей дорожное полотно, шириною около двухъ саженъ; боковыя стѣнки укрѣплены крупными валунами. Несмотря на массивность этого, единственнаго въ своемъ родѣ, искусственнаго сооруженія, морскія волны порою повреждаютъ откосы, и, во время моего проѣзда, партія рабочихъ изъ монаховъ занималась ремонтомъ средней части насыпи, по близости небольшого моста, устроеннаго для пропуска мелкихъ судовъ. По ту сторону салмы *), шоссе прорѣзаетъ площадь березовыхъ порослей. Большая часть вѣтвей этихъ жалкихъ представителей зеленаго царства были еще покрыты почками. Такъ какъ значительная часть Муксалмы представляетъ пастбища, то растительность, не защищенная лѣсомъ отъ арктическихъ бурь, оживаетъ здѣсь позже, чѣмъ на Соловецкомъ островѣ. Въ недалекомъ разстояніи отъ берега стоитъ обнесенный оградой каменный храмъ Сергіевскаго скита; за нимъ расположены постройки скотнаго двора.

Церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго построена сравнительно недавно (1873); по фасаду и внутренней отдѣлкѣ она мало чѣмъ отличается отъ большинства каменныхъ сельскихъ церквей

---

*) Салма—проливъ.

средней полосы Россіи. Муксалмская ферма доставляетъ для надобностей монастыря въ изобиліи разнаго рода молочные продукты. На пастбищахъ острова находится свыше 100 головъ рогатаго скота.

День былъ такой же безоблачный, какъ и наканунѣ, но довольно холодный и вѣтреный. Приглашеніе монаха отогрѣться и отдохнуть въ комнатахъ жилого флигеля, предназначенныхъ для пріѣзжающихъ, было принято мною, поэтому, съ благодарностью.

На обратномъ пути, не доѣзжая двухъ верстъ до монастыря, я свернулъ немного въ сторону, съ цѣлью посѣтить пустынь, основанную бывшимъ игуменомъ обители, святителемъ Филиппомъ. Боковая дорога, усаженная березками, подходитъ къ берегу небольшого озера, близъ котораго, на пригоркѣ, ютятся постройки скита: небольшая деревянная церковь, домикъ для иноковъ и часовня. Нѣсколько дальше, въ смежномъ лѣсу, можно видѣть деревянную келью Святителя. Безыскусственная архитектура строеній, простая ограда, плотъ на берегу озера—придаютъ Филипповой пустынѣ сельскій характеръ, а надписи на стѣнахъ церкви и затерявшаяся въ лѣсу часовенка-келья живо напоминаютъ вамъ о великомъ подвижникѣ русской земли—святителѣ Филиппѣ.

Въ церкви, по правую сторону царскихъ вратъ, въ особой нишѣ, помѣщается вырѣзанная изъ дерева и облеченная въ парчевую ризу фигура сидящаго Спасителя, въ терновомъ вѣнкѣ; ноги покрыты цвѣтной пеленой. Изображеніе это поставлено Филиппомъ въ память явленія ему Іисуса Христа не задолго до

полученія предложенія Іоанна Грознаго занять московскую митрополію. Несмотря на то, что статуя «Іисуса Сидящаго» напоминаетъ посѣтителю мученическій подвигъ рѣзкаго обличителя опричнины, — довольно грубо сдѣланная фигура Христа не пробуждаетъ молитвеннаго настроенія. Вообще, насколько мнѣ удалось замѣтить, священныя изображенія въ видѣ статуй или рельефовъ не вызываютъ въ православномъ человѣкѣ того чувства благоговѣйнаго почитанія, которое внушаютъ ему образа. Объясненіе подобнаго факта кроется отчасти въ томъ, что въ православной церкви, по преемству отъ греческой и древне-христіанской, выпуклыя изображенія не приняты, и мы, слѣдовательно, не могли къ нимъ привыкнуть. Главная же причина, по моему мнѣнію, коренится въ слѣдующемъ. Иконы, особенно стариннаго греческаго письма, представляютъ намъ лики Христа, Богоматери и святыхъ въ ихъ идеальной, одухотворенной формѣ. Древнія иконы суть, если можно такъ выразиться, религіозные символы, и потому нѣкоторая неправильность, условность и, пожалуй, грубость письма не оскорбляютъ чувства вѣрующаго. Что возможно выполнить въ живописи, того, по существу дѣла, гораздо труднѣе достигнуть въ ваяніи, гдѣ нужна прежде всего жизненность, пластика. Символизмъ могъ развиваться здѣсь только на реальной почвѣ. Выполненіе задачи требуетъ, такимъ образомъ, не только глубокой вѣры, но и недюжиннаго художественнаго таланта. Вотъ почему такъ рѣдко приходится встрѣчать скульптурныя изображенія Спаси-

теля, которыя бы совмѣщали въ себѣ художественное выполненіе съ идеаломъ христіанства.

Выпуклыя священныя изображенія появляются, если не ошибаюсь, въ русскихъ церквахъ въ концѣ XII вѣка: я подразумѣваю плоскіе барельефы (прилѣпы), представляющіе Богоматерь, апостоловъ и святыхъ, на наружныхъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ (1194). Въ соборѣ Св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ (1234), отличающемся такимъ же обиліемъ прилѣповъ,—характеризующимъ собою владиміро-суздальскій періодъ русскаго зодчества,—священныя скульптурныя изображенія переносятся во внутрь храма. Въ притворѣ церкви сохранилось высѣченное изъ камня изображеніе Распятія. Это, вѣроятно, одна изъ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ каменныхъ иконъ домонгольской Руси. Наше изваяніе, по мнѣнію извѣстнаго знатока русскихъ древностей академика Н. П. Кондакова, не отличается по техникѣ выполненія отъ настѣнныхъ рельефовъ собора и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ ними относится къ той переходной и пока еще мало изслѣдованной ступени русскаго искусства, когда, подъ вліяніемъ строительныхъ началъ романской архитектуры и скульптурныхъ украшеній мусульманскаго Востока, зарождались новыя художественныя сочетанія и формы *).

Деревянныя выпуклыя иконы дѣлались въ старину, обыкновенно, въ видѣ раскрашенныхъ полуста-

*) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ шестой. С.-Петербургъ, 1899, стр. 89.

туй (статуарные рельефы). Главнымъ, если не единственнымъ, центромъ распространенія ихъ является Новгородъ. Мы знаемъ изъ лѣтописи, что новгородцы считались уже въ XI вѣкѣ хорошими плотниками. Вполнѣ естественно, что рѣзьба по дереву должна была возникнуть здѣсь ранѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ. Въ одной изъ новгородскихъ церквей хранится рѣзной крестъ, высотою болѣе 2 аршинъ, покрытый узорчатыми украшеніями и мелкими медальонами съ изображеніями святыхъ. Вырѣзанная внизу надпись гласитъ, что крестъ поставленъ «въ лѣто 6867», т. е. въ 1359 г. Сохранившіяся рѣзныя иконы, по мнѣнію археологовъ, должны быть отнесены по времени такъ же не ранѣе, какъ къ XIV вѣку. Въ XVI и въ особенности въ XVII столѣтіяхъ рельефные образа получаютъ широкое распространеніе и проникаютъ въ самые отдаленные уголки Россіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно еще прослѣдить наслѣдственную передачу древнихъ схемъ изображенія того или другого святого *).

*) Такъ напримѣръ, находящееся въ церкви поморскаго селенія Шуи рѣзное изображеніе св. Параскевы (относится къ началу XVII вѣка), судя по описанію, данному С. В. Максимовымъ (Годъ на Сѣверѣ. Изданіе четвертое. Москва, 1890, стр. 319), совершенно однородно съ деревянной статуей Великомученицы въ Софійскомъ соборѣ, которую считаютъ древнѣе XV вѣка. Упоминаемая Н. П. Кондаковымъ „любопытная по рѣдкости“ рельефная икона Николая Чудотворца, именуемая Можайской, которая находится въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ, — представляетъ прототипъ барельефа, помѣщеннаго въ часовнѣ Троице-Сергіевой пустыни, подъ Петербургомъ.

Въ древне-христіанской общинѣ не допускались священные статуи и барельефы. При первоначальной чистотѣ представленій и возвышенномъ стремленіи къ идеалу, древняя церковь безусловно запрещала какія бы то ни было скульптурныя изображенія, во избѣжаніе поклоненія имъ, какъ бы идоламъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ античнаго искусства, правило это нарушается. Такъ, Евсевій, въ IV вѣкѣ, упоминаетъ о видѣнной имъ статуѣ Христа въ Кесаріи Филипповой. Триста лѣтъ позже, при Львѣ Исаврянинѣ, въ Константинополѣ также были статуи Спасителя. Эти изваянія представляли, однако, единичные случаи, и греческая церковь продолжала почти исключительно пользоваться живописными образами, тогда какъ въ католическихъ странахъ изваянія и выпуклыя иконы находятъ себѣ мало-по-малу, самое широкое распространеніе. Съ запада рѣзныя иконы проникли и къ намъ.

Православная церковь, вѣрная преданіямъ старины, не могла не обратить самаго серьезнаго вниманія на подобное новшество. Указомъ Святѣйшаго Синода, изданнымъ въ 1722 г., воспрещается употребленіе въ церквахъ «рѣзныхъ, истесанныхъ, издолбленныхъ и изваянныхъ иконъ, кромѣ обрѣтающихся искусною рѣзьбою сочиненныхъ Распятій и иныхъ нѣкіихъ штукаторныхъ мастерствомъ устроенныхъ и на высокихъ мѣстахъ поставленныхъ кунштовъ». Въ этомъ чрезвычайно любопытномъ документѣ Правительствующій Синодъ, не высказываясь противъ рѣзныхъ иконъ по существу, объясняетъ изда-

ніе такого закона безобразнымъ внѣшнимъ видомъ имѣющихся въ обращеніи рельефныхъ образовъ, почему они «весьма церковному благолѣпію противны». Кромѣ того, въ указѣ приведены слѣдующіе доводы противъ рѣзныхъ иконъ: возможность осязанія иконъ нарушаетъ благоговѣйное ихъ почитаніе; поврежденіе или поломка изваяній можетъ, противъ воли, сдѣлать ихъ предметомъ смѣха; наконецъ, выпуклыя иконы очень трудно содержать въ должной чистотѣ.

Годъ спустя Св. Синодъ подтвердилъ прежнее запрещеніе употребленія литыхъ иконъ, предписавъ отбирать ихъ на церковныя потребы.

Въ 1835 году Св. Синодъ издаетъ новое распоряженіе, которымъ рекомендуетъ избѣгать рѣзныхъ изображеній надъ иконостасами, —предоставляя, такимъ образомъ, скульптурѣ исключительно декоративную роль, т. е. ту роль, которую она исполняла въ самомъ началѣ... *).

Деревянныя фигуры Спасителя и рѣзныя Распятія, какъ остатки допетровской эпохи, можно еще видѣть въ Москвѣ (между прочимъ, въ Страстномъ и Новоспасскомъ монастыряхъ), Ярославлѣ, Новомъ Іерусалимѣ, Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ старинныхъ сельскихъ церквахъ Пермскаго края и многихъ другихъ мѣстахъ. Рѣзныя изображенія имѣются

*) Рѣдкій памятникъ примѣненія рѣзьбы въ греческихъ храмахъ даетъ намъ иконостасъ собора въ Дохіарѣ (одинъ изъ аѳонскихъ монастырей), на которомъ изображены фигуры людей, птицъ и звѣрей. (Н. Ѳ. Селивановъ. Монашеская республика. С.-Петербургъ, 1900, стр. 60).

также въ Новгородскомъ музеѣ древностей, въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи и въ Русскомъ музеѣ Императора Александра III, въ Петербургѣ. Большинство этихъ рельефовъ относится къ XVII вѣку.

VIII.

Значеніе Соловецкой обители.

Три дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ съ палубы «Михаила Кази» показались на горизонтѣ неясные контуры Соловецкаго острова... Вращаясь въ кругу монаховъ и богомольцевъ, внимательно присматриваясь къ мѣстнымъ условіямъ иноческой жизни и провѣряя читанное и слышанное о Соловкахъ, можно было составить себѣ за это время нѣкоторое понятіе о воспитательномъ и культурно-экономическомъ значеніи Соловецкой общины для нашего Сѣвера.

Въ далекую обитель Зосимы и Савватія идутъ, обыкновенно, люди, желающіе принять обѣтъ монашества по глубокому внутреннему убѣжденію. Они сначала подвергаются продолжительному искусу, исполняя разнаго рода послушанія, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ монастырѣ получаютъ мантію. Вотъ почему монашеская среда въ обители всегда отличалась строгимъ подвижничествомъ. Высказывая это положеніе, я, конечно, имѣю въ виду иноческую общину, поставленную въ обыч-

ныя условія монастырскаго обихода. Возмущеніе соловецкихъ монаховъ по случаю исправленія богослужебныхъ книгъ, длившееся, какъ извѣстно, девять лѣтъ (1667—1676), врядъ ли приняло бы такой упорный характеръ и, во всякомъ случаѣ, не продолжалось бы такъ долго, если бы иноческій строй не былъ въ корнѣ потрясенъ необходимостью защищать въ XVI—XVII столѣтіяхъ Поморскую область отъ нападеній шведовъ, для чего, начиная съ 1578 г., въ монастырѣ постоянно находилась военная сила. Неизбѣжное общеніе военныхъ людей съ иноками не могло не вносить въ жизнь послѣднихъ чуждыхъ и вредныхъ имъ мірскихъ элементовъ. Положеніе дѣла ухудшалось еще пребываніемъ въ монастырѣ значительнаго числа ссыльныхъ.

Посѣтитель встрѣчаетъ въ монахахъ, за рѣдкими исключеніями, людей истинно благочестивыхъ. Затѣмъ, онъ не можетъ не обратить вниманія на укоренившееся во всей братіи, отъ настоятеля до простого работника, сознаніе необходимости по мѣрѣ силъ трудиться на пользу и ради процвѣтанія обители и строго исполнять возложенныя на каждаго послушанія. Эти три основныхъ начала въ жизни Соловецкаго монаха: молитва, трудъ и подчиненіе волѣ настоятеля имѣютъ громадное воспитательное значеніе.

Внѣшняя обстановка пребыванія въ обители паломниковъ и добровольныхъ рабочихъ (трудниковъ) въ значительной мѣрѣ закрѣпляетъ это нравственное вліяніе. Монастырь получилъ въ вѣчное владѣніе Соловецкіе острова еще во времена настоятельства пре-

подобнаго Зосимы (1452—1478) по грамотѣ извѣстной «Великаго Новгорода Посадницы» Мареы Борецкой (береговая полоса между Онегой и Мезенью была подчинена Новгороду уже въ XI вѣкѣ). Когда новгородцы утратили независимость, право на владѣніе островами, а также и другими одновременно уступленными монастырю землями и угодьями въ Поморьѣ (въ томъ числѣ волостями Сумской и Кемской) было подтверждено великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III. Благодаря щедротамъ Михаила Θеодоровича и послѣдующихъ государей, вотчины монастыря постепенно увеличивались. При императрицѣ Екатеринѣ II всѣ береговыя земли, исключая участка, занятаго подворьемъ въ Сумскомъ посадѣ, снова перешли, вмѣстѣ съ другими церковными имуществами, въ собственность казны.

Обитатели Поморья, во времена Зосимы, нѣсколько разъ пытались поселиться на Соловецкомъ островѣ для ловли рыбы, но съ полученіемъ, въ 1470 году, второй грамоты Мареы Борецкой, подтверждающей право владѣнія землями, всякаго рода посягательства на нихъ прекратились, и монастырь съ тѣхъ поръ остается единственнымъ владѣльцемъ Соловецкаго архипелага. Далѣе, на монастырской землѣ нѣтъ арендуемыхъ участковъ, а слѣдовательно, и не имѣется никакихъ построекъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Пріѣзжающіе должны, поэтому, останавливаться въ одной изъ принадлежащихъ обители гостиницъ, довольствоваться монастырской трапезой и во всемъ подчиняться установленному порядку.

Условія эти способствуютъ сліянію поклонниковъ въ одну тѣсную братскую семью и въ значительной мѣрѣ ограждаютъ монастырь отъ посѣщенія его лицами, преслѣдующими торговыя или какія-либо иныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ поклоненіемъ святынѣ. Посѣтитель встрѣчаетъ всюду на островахъ своихъ же товарищей-богомольцевъ; ни бранное слово, ни звукъ веселой пѣсни не оскорбитъ его молитвеннаго настроенія.

Трое сутокъ паломники пользуются помѣщеніемъ и столомъ безплатно. Лица, остающіяся дольше, продолжаютъ, съ разрѣшенія настоятеля, получать даромъ квартиру и продовольствіе, при чемъ, по желанію, могутъ, въ помощь монахамъ, исполнять какія-либо работы. Въ монастырской лавкѣ можно получать чай, сахаръ, сухари и нѣкоторые другіе предметы первой необходимости.

Въ предѣлахъ Соловецкой обители отсутствуетъ какой бы то ни было контроль надъ личностью. Отъ пріѣзжаго не только не требуютъ документовъ, но даже не просятъ его сообщить свою фамилію, какъ это принято за границей. Монастырю нѣтъ рѣшительно никакого дѣла ни до вашаго имени и званія, ни до вашего общественнаго положенія; а полицейской и вообще свѣтской власти въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній не существуетъ. «Несмотря на тысячи прибывающихъ лѣтомъ богомольцевъ, монастырское управленіе», — какъ пишетъ А. П. Энгельгардтъ, — «умѣетъ сохранить всегда полный порядокъ». Этотъ фактъ, оффиціально удостовѣряемый

однимъ изъ высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, достаточно ясно показываетъ, какимъ нравственнымъ авторитетомъ пользуется Соловецкая обитель въ нашемъ народѣ. Вліяніе это въ особенности сказывается на тѣхъ богомольцахъ, которые остаются въ монастырѣ, по обѣту, на годъ — «поработать на Зосиму и Савватія», а также на крестьянскихъ мальчикахъ, отправляемыхъ родителями въ монастырь (обыкновенно тоже по обѣщанію, по случаю исцѣленія отъ болѣзни) на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ.

Говоря о благотворномъ вліяніи монастырской среды и этимъ косвенно высказываясь въ пользу монашества, я предвижу обычное возраженіе противной стороны: не лучше ли было бы, если тѣ, которые удаляются отъ міра съ его соблазнами, оставались среди людей и старались по мѣрѣ силъ помогать имъ, облегчать ихъ страданія. Не болѣе ли соотвѣтствовалъ бы такой подвигъ духу христіанской любви, духу ученія Спасителя?.. Мнѣніе это, кажущееся на первый взглядъ довольно вѣскимъ, при болѣе всестороннемъ и безпристрастномъ обсужденіи вопроса, является, однако, недостаточно обоснованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что монастырей не существуетъ, и что горсть людей, поставившая себѣ цѣлью побороть матеріальную природу, одухотворить плоть и жить духовной жизнью, отдаетъ себя на служеніе міру и поставлена при этомъ въ такія условія, что дѣйствительно имѣетъ возможность помогать и служить другимъ. Что же отъ этого произойдетъ? Нѣсколько единичныхъ, выдающихся

по своимъ добродѣтелямъ личностей, будутъ стоять на высотѣ, освѣщая и согрѣвая другихъ лучами благодатнаго свѣта, а остальныя, принеся посильную пользу, растворятся въ людской зависти, клеветѣ и неправдѣ. «Міръ во злѣ лежитъ», — говоритъ Апостолъ; міръ не поддержитъ и не оцѣнитъ такихъ людей, онъ извратитъ даже самый смыслъ ихъ безкорыстной жертвы на алтарь человѣческихъ страданій. Люди несомнѣнно получатъ извѣстную пользу, но увеличится ли отъ этого сумма добра? Безусловно — нѣтъ. Міръ лишится разсадниковъ благочестія, хранителей преданій, нагляднаго примѣра людей, поставившихъ цѣлью своей жизни служеніе Богу, исполненіе Его заповѣдей; а мы знаемъ изъ исторіи, какимъ громаднымъ вліяніемъ на общество пользовались люди идеальныхъ воззрѣній, люди духа. Затѣмъ, нельзя не считаться съ индивидуальнымъ складомъ человѣческаго характера. Возьмемъ двухъ людей одинаково вѣрующихъ, добрыхъ, хорошихъ, готовыхъ на самопожертвованіе. Одинъ полонъ энергіи, обладаетъ сильной волей, физически бодръ. Другой по природѣ вялый, уступчивый, болѣзненнаго сложенія. По теоріи вѣроятностей, первый принесетъ среди людей болѣе пользы, чѣмъ второй, тогда какъ второй, поступая въ монастырь, дастъ міру несомнѣнно больше своими молитвами, своимъ примѣромъ. Наконецъ, неужели фактъ существованія монастырей исключаетъ возможность людямъ посвятить себя служенію ближнимъ, если люди эти чувствуютъ къ этому призваніе. Мнѣ думается, наоборотъ, что ратующіе про-

тивъ иноковъ и обвиняющіе ихъ въ эгоизмѣ, сами того не замѣчая, проявляютъ въ стремленіи уничтожить монашество тоже своего рода эгоизмъ. Мало ли есть людей, которые въ своей жизни перенесли тяжелыя испытанія, лишились дорогихъ сердцу лицъ, наконецъ, испытываютъ угрызенія совѣсти за какіе-нибудь проступки. Для такихъ людей часто единственнымъ утѣшеніемъ остается посвятить остатокъ дней своихъ молитвѣ и служенію Богу. Имѣемъ ли мы право ставить такимъ людямъ въ укоръ желаніе ихъ уйти отъ міра?..

Служа дѣлу распространенія въ окружающей средѣ твердыхъ христіанскихъ началъ въ духѣ православной церкви, Соловецкій монастырь не чуждъ и просвѣтительной дѣятельности. Въ наши дни она, конечно, не можетъ имѣть цѣлью *проповѣдь* слова Божія, какъ это было въ XV вѣкѣ, но выражается въ *поддержаніи* православія путемъ возстановленія и устройства старинныхъ обителей Сѣвернаго края, которыя, по разнаго рода причинамъ, были упразднены. Такихъ иноческихъ общежитій, возобновленныхъ соловецкими монахами, двѣ: Кожеозерская и Трифоно-Печенгская.

Кожеозерскій монастырь (въ 120 верстахъ на юго-востокъ отъ Онеги) основанъ въ 1585 году. Онъ выдѣлилъ изъ своей среды отшельника Никодима († 1639), который провелъ 36 лѣтъ въ сооруженной собственными руками кельѣ на берегу пустынной рѣчки Хозьюги. Съ 1642 по 1647 годъ игуменомъ обители былъ Никонъ, впослѣдствіи всероссійскій патріархъ. Въ 1764 году монастырь, за уменьше-

ніемъ числа братіи, былъ упраздненъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, съ цѣлью борьбы съ расколомъ, который къ этому времени сильно распространился въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, Святѣйшій Синодъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на возобновленіе обители, и, по полученіи его, монастырь былъ возстановленъ соловецкими иноками.

Начало самой сѣверной изъ русскихъ обителей, Трифоно-Печенгскаго монастыря (на Мурманскомъ берегу, близъ норвежской границы), положилъ въ XVI вѣкѣ энергичный просвѣтитель лопарей, уроженецъ окрестностей Торжка, преподобный Трифонъ. Долгіе годы провелъ онъ, еще будучи міряниномъ, среди обитателей Лапландіи, проповѣдуя вѣру Христову. Труды и заботы Трифона, его доброе отношеніе къ инородцамъ и высоко-нравственная жизнь снискали ему среди кочевыхъ обитателей Лопской земли всеобщую любовь. Когда, такимъ образомъ, дѣло распространенія слова Божія было упрочено, Трифонъ принялъ постриженіе и основалъ на рѣкѣ Печенгѣ, при участіи инока соловецкаго монастыря Ѳеодорита, монастырь во имя Живоначальной Троицы *). Съ того времени число новообращенныхъ

*) Преподобный Ѳеодоритъ Кольскій соединялъ въ себѣ блестящій умъ и разностороннее образованіе съ полнымъ самоотреченіемъ на пользу служенія ближнему. Послѣ того какъ въ одну голодную зиму Ѳеодоритъ прибылъ въ Москву для сбора подаяній, онъ остается по просьбѣ Іоанна Грознаго въ Москвѣ и затѣмъ посылается имъ въ Константинополь, чтобы испросить благословенія на вѣнчаніе Іоанна по царскому чину. Исполнивъ порученія и получивъ щед-

постепеннно возрастаетъ, и вскорѣ большинство обитателей Кольскаго полуострова принимаютъ христіанство.

Трифонъ построилъ также церковь во имя свв. Бориса и Глѣба на Пазъ-рѣкѣ, на границѣ съ Норвегіей. Церковь эта, въ видѣ обыкновенной избы, сохранилась и до нынѣ, какъ вещественный памятникъ скромной дѣятельности просвѣтителя-труженика.

Чрезъ шесть лѣтъ послѣ кончины Трифона, въ декабрѣ 1589 года, на монастырь напала шайка шведскихъ разбойниковъ; всѣ иноки, послушники и рабочіе, числомъ 116 человѣкъ, погибли мученической смертью, а постройки были сожжены. Печенгскій монастырь переносится послѣ этого въ Кольскій острогъ, а въ 1764 году упраздняется. Въ 1886 году рѣшено возстановить этотъ древній монастырь, что и поручается Св. Синодомъ Соловецкой обители «по особому къ ней довѣрію».

Монастырь былъ сначала устроенъ на мѣстѣ кончины Трифона, въ бывшемъ Успенскомъ скитѣ (въ 18 верстахъ къ югу отъ первоначальнаго мѣстонахожденія обители). Года три тому назадъ признали болѣе цѣлесообразнымъ перенести монастырь на прежнее мѣсто, у Печенгскаго залива. Для удобства сообщенія съ монастыремъ и Пазрѣцкимъ погостомъ

рые подарки, Ѳеодоритъ недолго остается въ столицѣ и опять уѣзжаетъ на дальній Сѣверъ, въ пустынныя дебри Лапландіи, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала молодая паства. Ѳеодоритъ, между прочимъ, перевелъ на лопарскій языкъ многія молитвы.

товариществомъ Архангельско-Мурманскаго пароходства установлены правильные рейсы между Печенгской губой и городомъ Вадсэ. Благодаря умѣлому и заботливому управленію нынѣшняго игумена о. Іонаѳана (бывшаго Соловецкаго инока), въ Печенгскомъ монастырѣ построенъ новый деревянный храмъ, открыта школа и заведены ремесленныя мастерскія. Заботясь объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ рыбопромышленниковъ, прибывающихъ въ становища на лѣтніе мѣсяцы, монастырь ежегодно посылаетъ на это время для совершенія церковныхъ службъ и требъ іеромонаха и послушниковъ въ часовню и церковь, расположенныя на полуостровѣ Рыбачьемъ въ 60 и 80 верстахъ отъ монастыря.

Возобновленіе Печенгской обители, единственной на Мурманскомъ берегу, пріобрѣтаетъ особую важность при современномъ стремленіи поднять экономическое значеніе края путемъ разнаго рода правительственныхъ мѣропріятій, между которыми привлеченіе поселенцевъ занимаетъ не послѣднее мѣсто.

IX.

Сухой докъ. — Мастерскія.

При всемъ желаніи остаться въ Соловкахъ еще нѣсколько дней, нужно было спѣшить отъѣздомъ. Ближайшій пароходъ (на обратномъ пути изъ Кеми) отходилъ 15 Іюня. Въ предпослѣдній день пребыванія на островѣ я рѣшилъ осмотрѣть мастерскія и

посѣтить отца настоятеля, чтобы поблагодарить его за гостепріимство.

Отецъ Іоанникій встрѣтилъ меня очень ласково. Пройдя чрезъ большую комнату, стѣны которой увѣшены портретами россійскихъ іерарховъ, мы вошли въ кабинетъ. Почтенный архимандритъ бесѣдовалъ со мною нѣкоторое время, отвѣчая на вопросы, относящіеся до внутренняго устройства общины и ея хозяйства и, въ свою очередь, интересуясь мѣрами, направленными къ развитію просвѣщенія и поднятію благосостоянія нашего Сѣвера. Открытое, энергичное и замѣчательно располагающее къ себѣ лицо о. Іоанникія, его вдумчивые глаза и плавная рѣчь дышали спокойнымъ сознаніемъ человѣка, вѣрнаго своему долгу и твердо идущаго по намѣченному пути. Между прочимъ, зашла рѣчь о посѣщающихъ Соловецкіе острова лицахъ нашей интеллигенціи. Настоятель упомянулъ при этомъ, что въ монастырь заглядываютъ изрѣдка и иностранные гости. Такъ, въ 1897 году австрійскій графъ Милевскій, предпринявъ на своей яхтѣ морское путешествіе къ Нордкапу и на Мурманъ, заходилъ также и въ Соловецкій монастырь, гдѣ пробылъ трое сутокъ. Въ воспоминаніе своего пріѣзда, графъ прислалъ настоятелю роскошно изданныя и снабженныя массой фототипическихъ снимковъ путевыя записки. Получивъ впослѣдствіи, благодаря любезности канцеляріи архангельскаго губернатора, изданный губернской типографіей русскій переводъ этой книги, подъ заглавіемъ: «Двадцать три дня въ Ледовитомъ океанѣ и

Бѣломъ морѣ», я имѣлъ возможность познакомиться съ ея содержаніемъ и убѣдиться, что авторъ не старается сгущать красокъ, а пишетъ правдиво и тепло. Разсказывая объ осмотрѣ монастырскихъ достопримѣчательностей, графъ Милевскій упоминаетъ и о своемъ посѣщеніи біологической станціи, при чемъ приводитъ нѣсколько словъ, сказанныхъ о. Іоанникіемъ студентамъ-практикантамъ. Рѣчь эта дышетъ такой теплотой и такъ прекрасно характеризуетъ нравственный обликъ уважаемаго настоятеля, что,— да проститъ онъ мнѣ эту нескромность,—я привожу ниже нѣсколько строкъ изъ текста записокъ:

«Прощаясь со студентами, архимандритъ, нѣжно положивъ руку на плечо старшаго изъ нихъ, выразилъ одобреніе ихъ трудамъ и сказалъ: «Господь Богъ вознаградитъ ваше усердіе, дѣти мои; тѣмъ не менѣе вы православные, — приходите иногда на богослуженіе въ церковь и доставьте мнѣ этимъ удовольствіе». Когда мы спускались вмѣстѣ по деревянной лѣстницѣ, онъ вполголоса добавилъ мнѣ: «да, они въ томъ возрастѣ, когда думаютъ, что зазорно казаться вѣрующими; но это у нихъ пройдетъ, въ сущности они прелестные молодые люди. Дай Богъ, чтобы это случилось возможно скорѣе»...

Освѣдомившись, что я не осматривалъ еще монастырскаго хозяйства, а также не знакомъ съ механическими и ремесленными устройствами монастыря, о. настоятель былъ настолько любезенъ, что выразилъ желаніе сопровождать меня при осмотрѣ сооруженнаго иноками и богомольцами сухого дока

(единственнаго на Бѣломъ морѣ) и главнѣйшихъ мастерскихъ.

Находившійся въ докѣ казенный пароходъ «Мурманъ», который требовалъ мелкихъ исправленій и окраски, въ этотъ день долженъ былъ выйти въ море, чтобы уступить свое мѣсто торговой шкунѣ. Когда мы подошли къ мостику надъ шлюзными воротами, послѣднія были уже закрыты, и бассейнъ быстро наполнялся водою, проведенною въ него изъ Святого озера. Это послѣднее, будучи, въ свою очередь, соединено съ 70 другими озерами (на островѣ свыше 200 озеръ), образуетъ неизсякаемый водный источникъ. Обогнувъ бассейнъ, мы спустились въ докъ, гдѣ на одникъ полозьяхъ стояло только что выкрашенное казенное судно, а на другихъ—желѣзный остовъ перестраиваемаго монастырскаго парохода «Вѣра», на которомъ въ 1873 году совершилъ поѣздку въ Соловецкій монастырь нашъ почтенный беллетристъ В. И. Немировичъ-Данченко, авторъ книги «Бѣломорье и Соловки». Отъ корпуса «Вѣры», прослужившаго 35 лѣтъ, остался только одинъ киль; ремонтъ парохода сводился по существу къ постройкѣ новаго судна. Работы исполняются исключительно иноками подъ наблюденіемъ монаха, который до поступленія въ монастырь работалъ въ механическихъ и слесарныхъ мастерскихъ. Здѣсь же рядомъ находится кузница и печь для нагрѣва листовъ.

Осмотрѣвъ докъ, настоятель отправился со мной обратно въ монастырь для того, чтобы показать мастерскія. Сначала мы посѣтили иконописную школу.

Въ свѣтломъ залѣ, уставленномъ мольбертами и увѣшенномъ множествомъ картинъ и образовъ, работали послушники подъ руководствомъ учителя-художника. Большинство учениковъ писали иконы для сооружаемаго въ Архангельскѣ новаго подворья. Конечно, не всѣ полотна отличались одинаковой жизненностью и художественнымъ исполненіемъ, но въ общемъ ученическія работы производили хорошее впечатлѣніе; сказывалось умѣлое преподаваніе и удачный выборъ образцовъ. Изъ школы живописи, находящейся въ третьемъ этажѣ одного изъ боковыхъ корпусовъ, мы спустились въ позолотную мастерскую. Здѣсь покрывали позолотой дубовый иконостасъ для церкви новаго подворья и колонки для балюстрады. Издѣлія эти изготовлялись въ находящемся по близости столярномъ отдѣленіи. Изящный рисунокъ и тщательность выполненія сдѣлали бы честь любому спеціалисту этого дѣла. Заглянувъ въ подвалы, гдѣ солится и хранится рыба, мы осмотрѣли затѣмъ еще небольшую механическо-слесарную мастерскую. Кромѣ представителей поименованныхъ выше искусствъ и ремеслъ, въ монастырѣ имѣются шорники, кузнецы, пильщики, портные, сапожники, серебряники, литографы и мн. др. Изъ заводовъ назову: кирпичный, лѣсопильный, кожевенный, сукновальный и свѣчной. Работы вездѣ исполняются иноками при помощи находящихся въ монастырѣ богомольцевъ - крестьянъ. Примѣромъ того, насколько русскій человѣкъ смѣтливъ и способенъ быстро освоиться съ совершенно незнакомымъ ему дѣломъ, можетъ служить тотъ

фактъ, что при мнѣ въ механической мастерской находился въ работѣ строгальный станокъ; станина была уже готова, и механикъ-самоучка готовилъ специальныя части.

Обширное и прекрасно поставленное хозяйство монастыря снабжаетъ его почти всѣмъ необходимымъ. Въ Сосновской губѣ и на Анзерскомъ островѣ имѣются тони для ловли сельдей, семги и трески. На Мурманѣ производится охота на моржей и тюленей. Огороды и скотный дворъ доставляютъ монахамъ въ изобиліи овощи, масло и молоко. Изъ числа пищевыхъ продуктовъ и хозяйственныхъ предметовъ главнымъ образомъ приходится доставлять на острова: пшеницу, рожь, вино, сукно и разныя ткани для одежды.

Разставшись съ настоятелемъ, я вернулся въ гостиницу. Остатокъ дня прошелъ въ приготовленіи къ отъѣзду и въ прогулкѣ по окрестностямъ монастыря. Было три четверти одиннадцатаго, когда солнце скрылось за горизонтомъ. Я вышелъ въ коридоръ и остановился у открытаго окна. Набережная опустѣла. Въ отдаленіи темнѣли луды, поросшія мелкимъ кустарникомъ; на ихъ песчаныхъ отмеляхъ высились, словно на стражѣ обители, большіе кресты. Изрѣдка доносились крики неугомонныхъ чаекъ. Но вотъ и онѣ затихли... Только однообразный звукъ монастырскихъ часовъ по временамъ нарушалъ безмолвіе этой блѣдной, призрачной ночи...

X.

Отъѣздъ.

Настало утро послѣдняго дня моего пребыванія въ Соловкахъ. Погода стояла попрежнему ясная и бодрящая. Утреню я прослушалъ въ небольшой церкви во имя Благовѣщенія, устроенной надъ Святыми воротами. Въ ряду мѣстныхъ иконъ выдѣляется образъ Благовѣщенія. Передавая евангельское событіе, иконописецъ отступилъ отъ обычныхъ древнерусскихъ переводовъ («съ книгой» и «съ веретеномъ»): Богоматерь изображена съ Предвѣчнымъ Младенецемъ, какъ бы покоящимся у нея во чревѣ. Иконѣ этой, какъ полагаютъ, до 400 лѣтъ. Сооруженіе церкви относится къ 1601 году.

Изъ Благовѣщенской церкви я направился на колокольню, съ высоты которой уже раздавался благовѣстъ. Меня привлекалъ туда слѣпой звонарь, о которомъ мнѣ, между прочимъ, говорилъ о. Іоанникій. По мѣрѣ восхожденія по ступенямъ довольно крутой лѣстницы, устроенной въ стѣнѣ, гулъ постепенно возрасталъ. Раздѣльные звуки то сливались въ одинъ общій мощный аккордъ, то распадались на болѣе или менѣе сложныя гармоническія сочетанія. За послѣднимъ поворотомъ звонъ достигъ своего предѣла; масса звуковъ, врываясь въ узкій проходъ, казалось, обладала механической силой. На верхней площадкѣ моему взору представилась слѣдующая картина. Въ деревянной будкѣ сидѣлъ слѣпецъ-монахъ; на видъ

ему можно было дать не болѣе 35 лѣтъ. Одѣтыми въ черныя перчатки руками онъ держалъ веревки, идущія отъ четырехъ малыхъ колоколовъ; проводы отъ остальныхъ двухъ колоколовъ, подвѣшенныхъ на одной балкѣ съ первыми, охватывали его руки, выше локтей. Три колокола, нѣсколько большей величины, помѣщенные въ наружной аркѣ позади звонаря, приводились имъ одновременно въ дѣйствіе ножной педалью. Болѣе глубокое нажатіе ея заставляло колебаться языки двухъ другихъ колоколовъ, еще бóльшихъ размѣровъ, укрѣпленныхъ въ нишѣ по лѣвую сторону будки.

Управляя такимъ способомъ одиннадцатью колоколами, звонарь долженъ былъ строго соблюдать ритмъ, чтобы согласоваться съ ударами самаго большого, двѣнадцатаго колокола, висящаго въ третьей амбразурѣ; въ него звонилъ молодой послушникъ. Движенія его были до того правильно соразмѣрены, что, какъ промежутки между ударами, такъ и сила звука оставались постоянными. При внимательномъ взглядѣ, высокая стройная фигура юнаго пономаря поражала какой то странной безжизненностью. Я подошелъ ближе: предо мной стоялъ—слѣпецъ... На колокольнѣ находилось нѣсколько крестьянъ. Судя по сосредоточенному выраженію ихъ лицъ и по тому вниманію, съ которымъ они слѣдили за движеніями слѣпыхъ, это зрѣлище производило на паломниковъ сильное впечатлѣніе.

Звонъ кончился. Старшій монахъ, видимо напрягавшій свои слабыя силы, въ изнеможеніи присло-

нился къ стѣнѣ будки; его вдохновенное лицо покрылось матовой блѣдностью; онъ снялъ перчатки, вынулъ платокъ и отеръ скатившуюся слезу; потомъ, позвавъ помощника, взялъ свою трость и быстрыми шагами началъ спускаться. За нимъ невозможно было поспѣть; когда я сошелъ внизъ—звонарь успѣлъ уже скрыться.

По возвращеніи въ гостиницу, я засталъ на крыльцѣ нѣсколькихъ монаховъ и постояльцевъ, зорко смотрѣвшихъ на море.—«Пароходъ виденъ, пароходъ идетъ!» — слышались отрывочныя фразы. Однако, сколько я ни старался разсмотрѣть показавшійся на горизонтѣ корабль, ничего рѣшительно не видѣлъ. Нужно имѣть очень опытный глазъ и особый навыкъ, свойственный жителямъ береговыхъ странъ, чтобы различать предметы на такихъ большихъ разстояніяхъ.

Согласно данному обѣщанію, я отправился проститься съ настоятелемъ. Напутственныя слова о. Іоанникія, проникнутыя духомъ смиренія и христіанской надежды, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе... Когда я вышелъ изъ воротъ монастыря, «Михаилъ Кази» ясно вырисовывался на зеркальной поверхности бухты, оставляя за собой широкую полосу дыма.

Высадивъ немногочисленныхъ паломниковъ-кемлянъ и принявъ новыхъ пассажировъ, пароходъ готовился выйти въ море. Я поднялся на палубу. Раздался протяжный гудокъ; канаты подняты; мы стали медленно подвигаться вдоль набережной, затѣмъ быстрѣе и быстрѣе... Часть берега закрылась неболь-

шимъ островомъ; надъ нимъ возвышались, ярко освѣщенныя полуденнымъ солнцемъ, стѣны обители съ живописно разбросанными надъ ними зелеными куполами соборовъ. Отдѣльныя группы зданій постепенно сливались... вотъ онѣ кажутся молочнымъ пятномъ на желто-зеленой каймѣ лѣсистаго берега... кажутся свѣтлой точкой... Пароходъ измѣнилъ направленіе; монастырь скрылся изъ глазъ.

Мы шли вдоль западнаго побережья. Съ острова потянулъ легкій вѣтеръ, но скоро затихъ. Бирюзовая гладь моря отдавала матовымъ серебромъ; мнѣ случалось иногда наблюдать подобныя краски въ южныхъ моряхъ. По словамъ старожиловъ такихъ тихихъ дней насчитываютъ на Бѣломъ морѣ обыкновенно пять-шесть за всю навигацію.

Оставивъ Соловецкій архипелагъ, пароходъ шелъ въ виду Лѣтняго берега *). Около одиннадцати часовъ вечера мы находились недалеко отъ Пертоминскаго монастыря. Желая исполнить просьбу игумена—останавливаться въ безвѣтряную погоду противъ монастыря для пріема пассажировъ и почты, —капитанъ хотѣлъ возможно ближе подойти къ берегу. Въ бурное время подходъ къ монастырю крайне опасенъ, вслѣдствіе встрѣчающихся здѣсь въ изобиліи каменныхъ грядъ. До материка было версты четыре. Медленно подвигаясь впередъ и поминутно опуская лотъ, мы замѣтили издали на гладкой водной поверхно-

---

*) Южный берегъ Двинской губы носитъ названіе Лѣтняго берега.

сти громадный неправильной формы овалъ, внутри котораго море шумѣло и пѣнилось точно въ гигантскомъ котлѣ. Нѣсколько минутъ спустя пароходъ окружали бурныя волны. Раза два чувствовались слабые толчки отъ ударовъ о камни. Несмотря на сигнальные свистки, Пертоминскій монастырь почему-то не выслалъ почты; мы повернули обратно, перешли границу каменной мели, ясно отмѣченную извилистой лентой бѣлой пѣны, и вышли снова въ тихое море.

Наступила полночь. Я продолжалъ сидѣть на палубѣ и любоваться красотой этой дивной сѣверной ночи. Отдѣльные образы и сцены послѣднихъ дней по временамъ рисовались въ воображеніи и переносили меня въ Соловки. Вотъ предо мной встаетъ высокая фигура схимника съ потухшимъ взоромъ на блѣдномъ старческомъ челѣ... То вижу я себя за трапезой; голубоглазый монашекъ съ вьющимися льняными кудрями подходитъ съ оловянной чашей и ставитъ ее на столъ... Картина мѣняется. Съ высоты монастырской звонницы разносятся гармоническіе переливы колоколовъ; изможденное лицо звонаря выступаетъ такъ ясно, такъ отчетливо, точно снова я стою на площадкѣ колокольни, снова вижу, какъ вдали блеститъ и искрится море, какъ ныряютъ чайки въ безбрежныхъ волнахъ лазурнаго неба...

Въ воздухѣ стало едва замѣтно свѣтлѣть. Среди узкой полосы далекихъ облаковъ, потонувшей въ блѣдномъ пурпурѣ заката, показалась огненная точка... за ней другая, третья. Число ихъ росло, онѣ вытягивались въ отвѣсныя линіи, создавали самыя

причудливыя архитектурныя формы: изъ морскихъ волнъ поднимались золотые средне-вѣковые замки, зубчатыя стѣны, вершины готическихъ храмовъ... Золото блистало все ярче и ярче... призрачный городъ превратился въ сплошную массу огня; казалось громадный костеръ выбрасывалъ снопы искръ и пламени... Изъ-за свѣтлой синевы моря показался сіяющій дискъ дневного свѣтила...

Раннимъ утромъ пароходъ вступилъ въ дельту Сѣверной Двины. Обширныя луговыя пространства, облитыя мягкими лучами утренняго солнца, ласкали глазъ свѣжестью своей зелѣни. Все чаще и чаще попадались избы, виднѣлись поселки... Вотъ потянулись безконечной лентой лѣсные склады. Еще одинъ поворотъ—и вдали выступили свѣтло-золотыми блестками городскіе храмы...

Около семи часовъ утра мы благополучно прибыли въ Архангельскъ.

2007044162